Олигарх с Большой Медведицы

Автор:
Татьяна Устинова

Олигарх с Большой Медведицы

Татьяна Витальевна Устинова

Лиза Арсеньева, глава преуспевающего рекламного агентства, как и все обычные люди, боялась перемен и, одновременно, с тайной надеждой ждала их. А когда перемены грянули, поняла, что боялась не зря и – вот парадокс! – не зря ждала. Началось все с того, что на даче, где Лиза постоянно жила, нежданно-негаданно объявился сосед, которого она сперва даже приняла за бомжа. А вместе с соседом Димой – неприятности. Сначала Лиза обнаружила в гараже труп своей сотрудницы. Откуда он там взялся, было полной загадкой. Может, ее сосед пришил? Но больше всего удивляло отсутствие каких-либо следов… Затем в Лизу и Диму стреляли прямо на дачном участке. Только вопрос, кого и за что хотели убить? Елизавету? Ее соседа, который успел за эти несколько дней просто до неприличия ей понравиться? Да еще, ко всему прочему, оказался ни много, ни мало… олигархом «в отставке»!

Татьяна Витальевна Устинова

Олигарх с Большой Медведицы

Ивану с благодарностью и уважением

Ведь если вдуматься, то люди, в сущности, тоже, быть может, пожалуй, со всеми оговорками, заслуживают тщательного ухода.

Евгений Шварц, «Дракон»

Конечно, она испугалась, но виду не подала.

– Вы кто?!

Тень в освещенном дверном проеме сделала некое движение, то ли скукожилась, то ли качнулась в сторону.

– Никто.

Голос мужской. Такой довольно… значительный.

– Значит, так, – быстро и решительно сказала Лиза, – раз вы никто, значит, я вызываю милицию.

– Воля ваша, – отозвалась тень неожиданными словами, совершенно непригодными для застуканного в неположенном месте бомжа. В том, что он – или оно, это нечто внутри тени, – именно бомж, Лиза нисколько не сомневалась. Заглянув ему за спину, Лиза увидела в полумраке гаража горбатый странный силуэт – и догадалась.

Ура!.. – Вы водитель, да? – живо спросила она. – Соседи приехали, да?

Ей очень хотелось, чтобы – да, он был водитель, и чтобы приехали соседи, которые отродясь на дачу не приезжали, чтобы его появление объяснялось чем-то простым и нестрашным и не пришлось «вызывать милицию» – откуда она возьмется, эта самая милиция, в дачном поселке?!

– Нет, – подумав некоторое время, отозвался бомж, словно не сразу сообразив, водитель он или все-таки не водитель, и Лиза опять изо всех сил напряглась, так что даже жарко стало.

– Что – нет?!

– Я не водитель.

– Тогда я вызываю милицию! – глупо бухнула она. Кажется, она это уже говорила.

Тень помолчала, а потом кротко попросила:

– Разрешите, я пройду.

– Ку… куда?! Куда вы пройдете?!

Но он, очевидно, решил, что разговаривать с ней больше нет никакого толку, и, обходя ее по широкой дуге, двинулся к воротам. Он сильно сутулился, шаркал ногами, и по сгорбленной спине трудно было определить, сколько ему лет – то ли шестьдесят восемь, то ли семьдесят три, то ли четырнадцать, просто уж так сильно измучен паленой водкой, или кокаином, или чем-то в этом роде.

Господи, если в ее гараж нашли путь местные алкаши и наркоманы, все пропало! Они выломают двери, украдут весь инструмент, угонят ее машину, а саму Лизу зарежут. Наркоманы и алкаши всегда так делают.

– Я поменяю все замки, – вслед удаляющейся спине прокричала Лиза, – и дом на охране, можете не рассчитывать на легкую добычу!

Стукнула щеколда, проскрипели петли, и все стихло. Бомж пропал из поля ее зрения, как будто и не было его.

Ну вот что теперь делать?! Кому жаловаться?! Как спасаться?!

Милиция ни при чем, конечно. Милиция – это такая волшебная организация, которая как бы есть, и одновременно ее как бы и нет. И ничего ужасного!.. Лиза, как большинство здравомыслящих людей, прекрасно сознавала актуальность лозунга о том, что «Спасение утопающих – дело рук самих утопающих». Хочешь жить – спасайся, как можешь и как знаешь, и вопросы своего личного частного спасения на других людей не перекладывай! Почему они-то должны тебя спасать? Им что, больше заняться нечем?!

Нужно позвонить Максу Громову, шефу службы безопасности Лизиной конторы. Позвонить, объяснить ситуацию, подобострастно выслушать советы и утешения.

Макс, четверть века отслуживший во всякого рода спецподразделениях, абсолютно искренне считал все проблемы «гражданских лиц» полной ерундой, а свою нынешнюю работу «отстоем», но его держали на работе за исключительный профессионализм, который мог сравниться разве что с его исключительной ленью. Неожиданные визиты в гараж местных бомжей, наверное, покажутся шефу безопасности милой и смешной шуткой, и он, оторвавшись от очередного детектива и качая ногой, объяснит ей, как «обезопасить себя».

И она себя «обезопасит». Эта мысль показалась ей утешительной. На самом деле, наверное, от любых бомжей и наркоманов можно себя «обезопасить». А соседям она позвонит – где-то был телефон, она разыщет и позвонит. Спросит, что это такое за явление природы на сопредельной территории. Может, он и не водитель, а сторож, к примеру. Или грузчик. Может, они решили мебель вывозить или еще что-нибудь и заранее вызвали грузчика.

Нужно посмотреть, что у них за машина.

Машина оказалась какой-то совсем не «грузчицкой» – «Рейндж Ровер Вог». Не слишком новая, но очень солидная, купленная в «салоне», о чем свидетельствовали мелкие буковки по периметру номерного знака. «Муса-Моторс» и телефон, тоже солидный, легко запоминающийся. Лиза искренне считала, что автомобили, купленные в «салонах», всегда немного лучше машин, купленных невесть где.

Может, все-таки водитель?..

Лиза обошла джип – из-за тонированных стекол невозможно было разглядеть, что внутри, – только ее собственное отражение прошло по выпуклым стеклам. Лиза посмотрела довольно равнодушно. Она никогда особенно себе не нравилась и сейчас не понравилась тоже.

Вот послушалась отца, который все убеждал ее, что один гараж на двоих с соседями – замечательно!

– Главное, экономия какая выйдет! – энергично говорил он. – И места меньше займет!

Лизе не хотелось ни с кем связываться, вот такая она была индивидуалистка. Кроме того, она пребывала в убеждении, что любой совместно-соседский проект непременно кончится какими-нибудь неприятностями – все или поссорятся, или подерутся, или никогда не смогут поделить «полезную площадь». Но отцу затея совместного гаражного строительства очень нравилась – экономия налицо, кроме того, ему вообще очень нравилось все «совместное и общее», как в далеком комсомольском детстве!

– Все будет общее и совместное, а проблемы твои личные, – говорила мать, глядя в сторону. Отцовский энтузиазм ее раздражал, кроме того, она тоже была махровой индивидуалисткой, как и ее дочь.

– Ну, какие, какие проблемы?!

– А вот трубу прорвет, или отопление разморозится, или ключи потеряешь, или влезут, не дай бог!.. Или они станут выезжать, машину Лизину заденут, и что тогда?! Зачем нам лишняя нервотрепка?

– Да не будет никакой нервотрепки, говорю тебе!

– Ну, конечно, будет! Это вечная история с тобой – тебе бы только чужим людям угождать, а на своих наплевать тридцать раз.

– Ну, скажи, скажи еще что-нибудь поумнее!

Мать махала рукой – все и так было ясно, и гараж построили «на двоих». Справный кирпичный гараж на границе участков, с двумя парами автоматических ворот, которые так неторопливо и важно поднимались, когда подъезжала машина, и выбеленное гаражное нутро заливалось ярким синим светом, и все это Лизе очень нравилось. Ей одной такой гараж на самом деле был бы не по карману.

Особенно удачным оказалось то, что в нем так и стояла одна-единственная Лизина машина, никакие соседские не появлялись. Соседи вообще на своем участке никогда не появлялись, Лиза их знать не знала. Появлялся единственный человек – всехний сторож Леша, который деловито заходил на участок, пошмыгивая сизым от частых возлияний носом, удалялся по тропинке за сосны. Соседний дом стоял в глубине, и с Лизиного крыльца его видно не

было. Леша оставался на участке некоторое время, а потом выходил из ворот с озабоченным и удовлетворенным лицом, как все люди, сделавшие нужное и важное дело.

А больше никого и никогда не было.

До сегодняшнего дня. До сегодняшнего бомжа.

Господи, как она не любит такие дурацкие, ненужные, неожиданные проблемы! Ей некогда, у нее работа, роман, Новый год на носу, и очень хочется поехать в Финляндию, а заниматься поездкой решительно некогда. Все кончится как в прошлом году – она дотянет до последнего дня, когда посольство закроется на рождественские каникулы, и билетов будет не достать, и мест в гостинице не получить, и останется на все праздники в одиночестве. Будет есть, спать и смотреть телевизор – глупейшие новогодние шоу и глупейшие новогодние фильмы, давно выученные наизусть от первого до последнего слова, – растолстеет, обозлится, а на подбородке непременно вылезет прыщ, с которым она промается до февраля!.. В этом году ей хотелось нарушить традицию отмечать Новый год всей семьей на даче.

Лиза завела свою машину, косясь на пришлый «Вог» неподалеку, вышвырнула из-под каблука снеговую автомобильную щеточку, купленную третьего дня в «салоне», и побежала открывать ворота.

Ничего, может, все и обойдется. Наркоманы и алкаши не ездят на «Вогах». Они валяются под заборами и спят на автобусных остановках. Они всегда так делают.

Ворота с тихим и приятным шорохом поехали вверх, зимний, очень яркий свет хлынул в гараж, и электричество побежденно померкло и растворилось в снеговом сиянии. Лиза зажмурилась и вздохнула радостно. Ей очень нравилась зима, причем именно та, которая не нравилась никому, – декабрь, самый темный и мрачный, задыхающийся в автомобильных пробках, разукрашенный елочками, лампочками и гирляндочками, отягощенный толпой, мечущейся в поисках подарков, с коричневой дорожной хлябью, выхлестывающейся на тротуары, и истерическим предчувствием долгожданного и продолжительного веселья.

Лиза все это очень любила.

Она уже выехала из гаража на дорогу и поправляла зеркало заднего вида, в котором отражались пустынный переулок и длинный забор, когда зазвонил телефон.

– Елизавета Юрьевна, это Мила. Доброе утро.

Так звали ее секретаршу.

– Привет.

– Во сколько вас ждать?

Лиза осторожно сдала назад, стараясь не угодить в сугроб, и мельком глянула на едва видный из-за стены деревьев соседский дом – такой же неподвижный и молчаливый, как обычно. Никаких признаков жизни.

– А что такое, Мила?

Никаких дел на утро не было запланировано, Лиза знала это точно, именно поэтому и опаздывала всласть, что редко себе позволяла.

– Заказчики звонили, хотели подъехать.

– Какие именно заказчики? У нас их два десятка.

– Медицинские.

Это было неожиданно. Лиза поправила наушник мобильного телефона. «Медицинский» заказчик, крупная фармацевтическая фирма, появилась недавно, и Лиза очень гордилась собой. Заполучить их было непросто, а она заполучила.

Что могло случиться, зачем им понадобилось приезжать, да еще так срочно?..

– А кто именно звонил?

– Альфред Миклухин.

Вот такое имечко у главного рекламщика фармацевтической фирмы. В конторе его моментально переименовали в Миклухо-Маклая, или просто в Маклая – а как еще его можно было переименовать?!

– Мил, что он сказал? Только точно!

Мила тихонько вздохнула на том конце провода.

Елизавета Юрьевна была сложным начальником. Секретарши у нее менялись постоянно, и Мила пока продержалась дольше всех, почти четыре месяца.

– Он сказал, что хотел бы лично с вами обсудить рекламную концепцию препарата. Он только вчера получил наши разработки и…

– Как вчера?! – вскрикнула Лиза. – Мы все отправляли неделю назад! Да или нет, Мила?!

Машина, словно чувствуя ее раздражение, недовольно плюхнулась рылом в какую-то яму, двигатель наддал и заревел.

– Мила?!

Но секретарша не испугалась. Вот в чем она была уверена совершенно точно, так это в том, что план рекламной кампании отправлен «Миклухо-Маклаю» именно неделю назад.

– Елизавета Юрьевна, я отправила курьера восьмого числа, у меня записано. Он приехал и привез расписку, что заказчики план получили. Все в порядке.

– Если бы все было в порядке, – отчеканила Лиза, – Альфред Георгиевич не стал бы звонить. Хорошо, я сейчас приеду и во всем разберусь сама, раз уж вы не можете!

– Елизавета Юрьевна…

– Все, Мила. Я скоро буду.

И, очень раздраженная, Лиза нажала «отбой».

Никто и ничего без нее сделать толком не может! Всем все приходится повторять по сто раз – и все равно никто и ничего не понимает, не помнит и поминутно ошибается! Господи, ну почему все подчиненные без исключения такие тупицы и лентяи!

Игорь всегда повторяет, что с людьми невозможно работать! С железными чушками гораздо легче.

Однако железные чушки не умеют писать рекламные программы!

Лиза притормозила перед выездом на шоссе, глянула в зеркало и нажала на газ. Какой-то идиот засигналил, и она энергично посигналила в ответ. Подумаешь, она ему мешает! Он ей мешает тоже!

Телефон опять зазвонил, и Лиза нажала кнопку.

– Да!

– Опаздывать изволишь?

Лиза улыбнулась. Игорь редко звонил ей по утрам, и каждый раз это было небольшое событие.

– Ну что? Проспала?

Она не проспала, она еще вечером решила, что непременно опоздает. Ей очень нравилось утро – сборы на работу, когда можно позволить себе расслабиться и никуда не спешить. Ванна с лавандовым маслом, бодрое и теплое гудение фена, кофе в маленькой турке, рыжий апельсин с толстой шкуркой, пахнущий на всю кухню зимним праздничным запахом, ноги в толстых носках, и некоторое время можно не думать о том, что их все-таки придется засунуть в остроносые ботинки на высоченных, неудобных, тоненьких каблуках!

Она не проспала, она никогда не просыпала, но в такой возможности было что-то, показавшееся ей чрезвычайно сибаритским и очень женским, и она призналась, что проспала.

– А ты? Уже на работе?

– Я уже час как на работе.

– Ты умница, – промурлыкала Лиза. – Ударник капиталистического труда.

Приемник бодро грянул про то, что «мы все майские розы, мы все только с мороза», и Лиза сделала звук потише. Она знала, что Игорь никаких таких песнопений не любит, моментально раздражается, раздувает аристократические ноздри. В его присутствии она должна была слушать только органные фуги Баха, Паваротти и Эмму Шаплин.

– Пообедаем сегодня?

Тут Лиза насторожилась немного. Сегодня был «его» день – по плану они собирались ужинать, именно ужинать, а не обедать, а потом у них намечен «романтический вечер», у нее в доме или у него в квартире, смотря по обстоятельствам. У Игоря часто не было настроения тащиться за город. Он вообще не слишком любил Лизину «сельскую жизнь».

Она перестроилась в правый ряд и теперь плелась за фурой, беспощадно поливавшей лобовое стекло ее машины грязной водой из-под колес. «Дворники» постукивали энергично, но только размазывали грязь.

– Черт побери, – пробормотала она, – ничего не видно!..

– Что?

– А мы вроде бы ужинать собирались, Игорь. Или нет?

– Ты знаешь, я сегодня не могу, – сказал он быстро. – У меня вечером собрание трудового коллектива. Форсмажор. Обстоятельства непреодолимой силы.

Какая-то фальшь почудилась Лизе в этих самых «обстоятельствах», но виду она не подала.

Она очень умная женщина. Умнее всех. По крайней мере ей хотелось так думать.

– А… во сколько у тебя собрание?

– Да в шесть, но бог знает, сколько оно продлится. Может, до ночи!

– А… вчера ты про собрание не знал?

– Да я его только сегодня назначил!

– Что-то случилось?

– Ничего не случилось, – сказал он нетерпеливо, – все нормально. Просто мне надо перед Новым годом народ построить, только и всего. Ну что? Обедаем?

Лиза несколько секунд посоображала.

– Игорь, я пока не знаю. Сейчас доеду до офиса и позвоню, хорошо? У меня днем вроде бы какие-то встречи были назначены, надо посмотреть.

– Ну хорошо, – легко согласился он. – Тогда я жду. А опаздывать все-таки не стоит!

Он был очень правильным – во всех отношениях – и никаких «неправильностей» не признавал.

– Да! – спохватилась Лиза. – Ты знаешь, утром в моем гараже оказался какой-то мужик, представляешь? Я так испугалась, хотела в милицию звонить, но он ушел, и я…

– Что за мужик?! Как он мог очутиться в твоем гараже?! Или ты забыла на ночь ворота запереть?

– Ничего я не забыла, Игорь! Я пришла за машиной, а там кто-то стоит, в глубине…

Воспоминание вдруг хлестнуло, как раскаленным прутом, повлажнели ладони, поехали по обшивке руля. Лиза руль перехватила.

Оказывается, она испугалась гораздо сильнее, чем думала. Намного сильнее…

– А ворота? Ворота были открыты или закрыты?!

На этот вопрос она не могла ответить. Когда она подходила к гаражу, ее створка ворот была закрыта, совершенно точно. А вторая, соседская… На нее она даже и не смотрела. Она никогда на нее не обращала внимания.

– И что он там делал, этот мужик?!

– Да ничего. – Лиза вытерла ладонь о брючину. – Ты знаешь, это странно, но он там ничего не делал. Когда я заявила, что вызову милицию, он просто ушел.

– Ты что, с ним разговаривала?!

– Да не разговаривала я! Я просто сказала ему, чтобы он убирался, иначе вызову милицию!

– Надо было бежать оттуда, не вступать в переговоры! Ты ненормальная! Ты что, не слышала никогда про то, как дачи грабят, а хозяев убивают?! Милицию она вызовет!

– Игорь…

– И что?! Ты просто уехала, и все?!

– А что мне было делать?

– Замки менять. Охрану с работы вызывать! Звонить кому-нибудь! Подключать! Откуда я знаю, что делать?! Но он влез один раз и еще сто раз влезет, а ты там

одна живешь, в этой дыре! А он в следующий раз еще и приведет кого-нибудь!

Лиза начала потихоньку злиться. Она не убогая старушка и не школьница-ромашка, она совершенно вменяемый человек и уже решила, что непременно подключит Макса Громова, а в милицию звонить все равно нет никакого толку, и это всем понятно, в том числе и Игорю, который очень «правильно» гневается в трубке!

– Игорь, я заперла ворота и уехала оттуда! Я сейчас поговорю с нашим начальником службы безопасности, может, он мне что-нибудь посоветует! И что я могла еще сделать?! Кроме того, он приехал на «Рейндж Ровере»! Вряд ли простой жулик приехал на «Рейндж Ровере», чтобы меня ограбить!

Игорь некоторое время помолчал, словно внезапно поперхнулся, а потом спросил осторожно:

– А ты ничего, часом, не путаешь? Может, на машине соседи приехали, а он уже потом влез?

– Я не знаю! Я поговорю с Максом!

– А соседи?..

– Что соседи?

– Их ты не видела? Не звонила им?

– Нет! – почти крикнула Лиза и дернула переключатель. «Дворники» заработали с удвоенной силой, но лучше не стало. Грязь летела веером, размазывалась по стеклу. – Я их вообще никогда не видела! И сегодня тоже!

– Надо написать заявление в милицию. Просто чтобы оно у них было, на случай каких-нибудь… неприятностей.

– Ты хочешь сказать, если он меня все-таки пристукнет?!

– Лиза, ты говоришь ерунду. – Голос у него заледенел и стал похож на шершавую сосульку, облепленную снегом.

– Нет, это ты говоришь ерунду. Лучше приезжай вечером ко мне, и сам все увидишь! И «Рейндж Ровер» тоже увидишь, если он все еще будет там стоять!

– Я сегодня не могу, я уже сказал! Я не могу и тебе возвращаться на дачу не советую. Езжай к родителям, это безопаснее.

– Игорь, – язвительно заявила Лиза, – я вполне контролирую ситуацию.

– Ну да, – согласился он, – я понимаю. Ведешь разговоры с бандитами, которые влезли к тебе в гараж! Ситуация под контролем!

Ему не хотелось заниматься ее проблемами, и это было совершенно очевидно. Не хотелось задумываться, тревожиться и вообще… «обременяться». Он был к этому «не готов».

«Но я был не готов жениться!» – сообщил он с некоторой мужской горечью, когда в какую-то минуту откровения рассказывал Лизе о своей несостоявшейся личной жизни. Несостоявшаяся личная жизнь была у него до Лизы, и «они расстались», как сообщил Игорь грустным голосом. Лиза решила поначалу, что они «характерами не сошлись», а оказалось, что он был «не готов»! Формулировки вполне достойные друг друга и вполне взаимозаменяемые.

– Я тебе позвоню, – пообещал Игорь из телефонной трубки. – А ты не должна делать глупостей. Впрочем, вы с сестрицей только и занимаетесь глупостями.

– Игорь, прекрати.

– А разве не так? Вместо того чтобы работать, вы только болтаете!..

Это было решительно не так, ибо Лиза только и делала, что работала, и очень даже успешно, и ее сестра Дунька, преуспевающая журналистка, тоже только и делала, что работала, и тоже вполне успешно. Но, очевидно, это «не считалось». Это никогда не считалось.

Игоря раздражало, когда они подолгу болтали по телефону, еще его бесило, когда они болтали в кафе или на стоянке возле магазина.

Он все время приводил им в пример каких-то достойных женщин, его бывших и нынешних знакомых, которые никогда не болтали, не тратили время на кофе с клубничным тортом, не шатались по магазинам, не торчали подолгу возле витрин с бельем или обувью, облизываясь, шушукаясь и ничего не покупая. Те достойные женщины все время работали – видимо, и днем, и ночью. Эти арии в исполнении Игоря всегда приводили Лизу в уныние, заставляя сознавать собственное несовершенство, она вздыхала, огорчалась и давала себе слово, что в следующий раз ни за что не пойдет с Дунькой на кофе с клубничным тортом.

Или нет, нет. Пойдет, конечно, разве она может не пойти, но только Игорю ни за что об этом не расскажет.

И вообще кто придумал, что мужчине можно обо всем рассказать, поплакаться, попросить совета, пожаловаться на жизнь или похвалиться успехами?! С ним нужно держать ухо востро, никогда не расслабляться и, самое главное, не верить ему.

Она и не верила. Никому – ни женщинам, ни мужчинам.

– Ты не должна на меня обижаться, – произнес вышеупомянутый Игорь ей в ухо. Голос его стал помягче. – Просто я за тебя беспокоюсь.

– Ну, так приезжай вечером! И не беспокойся.

– Лиза, я уже сказал тебе, что вечером не могу. Ты что, не слышала?

Она отлично слышала, но время от времени вся эта канитель ее удручала. Ну, ведь все уже давно понятно. Все было понятно с самого начала, с той минуты, когда он взялся растолковывать ей, как именно должна вести себя женщина, а как не должна.

Лизе казалось, что она отлично знает, как себя вести, – ей давно все уже растолковали бабушки и мать, а то, что они упустили, было приобретено с опытом и знаниями.

Учиться, учиться и еще раз учиться.

– Я тебе позвоню, – сказала Лиза искусственным нежным тоном и покосилась на приемник, в котором произошли изменения и вместо «майских роз» появился Максим Леонидов. Лизе хотелось его послушать, а для этого нужно побыстрее попрощаться. – Я тебя люблю.

Это было вранье, но куда ж деваться!

– И я тебя люблю, зайка, – сказал Игорь, и это тоже было вранье, и в его голосе тоже звучала искусственная нежность, и они, в разных точках пространства нажав кнопки на своих телефонах, испытали схожее облегчение.

Ну, поговорили, и слава богу.

«Мне досталась в этой пьесе очень маленькая роль, – пел Леонидов Максим. – В ней всего четыре слова: «Мы прорвемся, мой король».

Это ее поддержало. Должно быть, он знает, о чем поет, этот далекий и неизвестный Максим Леонидов. А раз он знает, значит, она… не одна.

Все будет хорошо. Мы прорвемся, мой король.

Правда, с королем большие проблемы, но это ничего. Она и сама по себе королева, удавшаяся во всех отношениях!

На работе все оказалось не так уж ужасно, как Лиза подозревала. Она всегда подозревала своих сотрудников во всех смертных грехах, особенно же подозрительной стала, повстречавшись с Игорем, который считал, что с людьми работать нельзя!

Все ей казалось, что в ее отсутствие Мила потеряет все до одной бумаги, Света Крюкова нахамит по телефону заказчикам, Костик Брылев перепутает рекламный слоган, придуманный для фармацевтов, со слоганом для шоколадных конфет, Ира поссорится с журналистами, а Маруся забеременеет и уйдет в декрет, Макс Громов проворонит жуликов, Леша Горский сотрет в компьютере все базы данных.

Вряд ли все это могло случиться на самом деле, но тем не менее она приезжала на работу с некоторой опаской, словно ей предстояло прыгнуть с вышки в холодную воду и всякий раз, выныривая, она как будто заново удивлялась, что осталась жива.

– Мила, что там с Миклухиным? Вы разобрались?

Лиза стояла у стола, курила и просматривала бумаги. Секретарша маячила в дверях – ближе не подходила. Лиза перевернула лист, отложила его и мельком на нее взглянула.

– Я не разбиралась, Елизавета Юрьевна, вы же сами сказали, что приедете и…

– Мила, я сто раз вам повторяла, что если уж вы работаете, работайте хорошо! Что значит, я приеду?! А у вас самой нет никаких обязанностей, что ли?!

Это был «наезд» ради «наезда», и они обе это понимали.

– Соедините меня с ним и позовите Крюкову.

Мила метнулась выполнять поручение, и вслед ей Лиза крикнула, чтоб Крюкова просто так не приходила, а захватила с собой медиаплан.

Секретарша пропала из виду, и на ее месте в дверном проеме воздвигся Макс Громов, начальник службы безопасности.

– Лизок, – спросил он весело, – ты как без меня? Не скучаешь?

Потому, что он так в кабинет и не вошел, Лиза догадалась, что в руке у него что-то неположенное – видеокассета с боевиком или новый детектив. На службе Макс маялся от безделья и все требовал, чтобы Лиза его «загружала», хотя охранял он не только ее, но и несколько других офисов, арендовавших помещения именно в этом бизнес-центре. В тех офисах тоже были начальники и начальницы, но приставал он почему-то только к Лизе.

Лиза относилась к нему «как к другу» – изумительная и очень женская формула, в принципе недоступная для мужского понимания.

Мужики «дружат» исключительно в надежде на «продолжение». Женщины «дружат», понимая, что никакого «продолжения» никогда не будет, и об этом им известно с первого взгляда на конкретную особь мужского пола. По крайней мере, Лиза именно так себе это представляла.

Не будет у них никакого «продолжения», но с Максом удобно, весело, безопасно и надежно. Он часто помогал ей улаживать какие-то мелкие дела, ее собственные и сестрицыны, никогда не подводил, всегда был готов к услугам, и она беззастенчиво этим пользовалась, иногда томясь от собственного свинства.

Когда желудь спелый, его всякая свинья слопает.

– Макс, хочешь кофе?

– Спасибо.

– Спасибо – да, или спасибо – нет?

– Да, да! – воскликнул Громов, принимая подачу. – Конечно, да! Немедленно и побольше. Ты наливай, а я сейчас.

– Да ладно, – сказала Лиза, разливая по чашкам густой и крепкий кофе, – входи. Что там у тебя? Роман или кино?

Макс смешно поморщился, потом взглянул на свою руку, скрытую от Лизы, как будто точно не знал, что у него там, затем сделал какое-то движение и зашел. В руках у него ничего не было.

– Макс, куда ты дел?..

– Что?

– Ну, что в руке держал.

– Я ничего не держал, – сказал он весело. – Тебе показалось.

– Ну, ладно, признайся, куда дел? В штаны засунул?

– Можешь проверить, – томным голосом предложил Макс, – со всех сторон. Хочешь?

И он сделал движение, будто собирается расстегнуть ремень. Лиза попыталась его остановить, и в этом пикантном положении их застала вернувшаяся Мила. Миле Макс нравился не только «как друг», и она моментально оскорбилась, хотя о шашнях начальницы и главного охранника в конторе отродясь никто ничего не слыхал.

– Елизавета Юрьевна…

– Да. – Начальнице стало неловко, что ее «застукали». Вот ведь и не делала ничего, а все равно неловко! – Что там? Крюкова уволилась, а Миклухин запил?

– Света сейчас придет, – ломким от гордости голосом сказала Мила. – А Миклухин просился приехать. Примете?

– Мила, вы что? С ума сошли? Когда заказчик собирается приехать, ему надо в ноги поклониться, а не спрашивать у меня, приму или не приму! Конечно, в любое время, когда там ему удобно! Только документы мне подготовьте и заранее скажите, во сколько его ждать.

После чего она решительно прошествовала за свой стол, уселась и поставила на столешницу локти, как бы утвердившись в этом положении. Макс пил кофе.

– Громов, – спохватилась Лиза, – слушай, мне надо с тобой посоветоваться.

– Советуйся.

– Я утром в своем гараже застукала бомжа.

– О как, – сказал Макс и поставил чашку. И посмотрел серьезно. – Он что, там уснул?

– Нет, он приехал.

– Бомж приехал в твой гараж?!

– Ну, он не то чтобы бомж, – заговорила Лиза, – но такой довольно потертый мужичок. Он приехал на машине.

– В твой гараж?!

– У нас общий гараж с соседями.

– Подземный, что ли?

– Да нет, почему подземный! Наземный у нас гараж. На две машины. И я раньше никогда его не видела.

– И как он тебе объяснил свое появление?

Лиза задумалась.

– Пожалуй, никак. Никак не объяснил.

Он ведь и вправду ничего не объяснял, но из чего-то Лиза все же сделала вывод, что он ее новый сосед. Или старый сосед, которого она никогда раньше не видела.

– И он приехал на машине?..

– Ну да.

– И ключи от гаража у него были? Или он замок ломал?

– Н-нет. Не ломал.

– А машина какая?

Почему-то Лизе не хотелось говорить, что у него «Рейндж Ровер». Этот самый «Ровер» решительно не укладывался в образ бомжа, а ей не хотелось выглядеть дурой в Максовых глазах.

– Какая-то дорогая у него машина. Большая.

– Значит, – подытожил Громов, опять принимаясь за кофе, – машина дорогая, замок он не ломал, на полу не спал и к тебе не приставал. Или приставал?

– Нет, Макс!

– Ну и успокойся. Если ты выяснишь его фамилию, я тебе все про него расскажу, но это скорее всего просто сосед, которого ты не знаешь в лицо. Только и всего.

Он пожал плечами и посмотрел утешающе, как будто извинялся за то, что лишил Лизу неких детективных переживаний.

– Когда его увидишь, спросишь, как зовут, расскажешь мне, а я все выясню. Идет?

– Идет.

Все это было лучше, чем завывания Игоря о том, что она должна немедленно броситься к родителям, там окопаться и выставить наружу ручной пулемет системы «максим», чтобы отстреливаться от врагов.

– Лиза, можно к тебе?

На пороге возникла Света Крюкова – с папками в руках, видно, Мила предупредила, что начальница не в духе и требует ее к себе «с документами».

– Я пошел, – озабоченно сказал Макс, ложкой доел из чашки сахар и поднялся. – У меня дел полно. Некогда мне тут с вами…

Света бочком вошла и остановилась.

Она была довольно умненькой, исполнительной, но не слишком инициативной, как все сотрудники средней руки. Лиза знала о ней только то, что она красит губы алой помадой и любит старинные украшения и безделушки. На столе у Светы обычно лежали какие-то альбомы и каталоги, которые она исподтишка почитывала. Как-то они даже разговаривали о ее пристрастии, Света спрашивала, нет ли у Лизы чего-нибудь такого старинного и нельзя ли это посмотреть. Но у Лизы ничего не было, кроме керосиновой бабушкиной лампы, медальона с изумрудной искоркой, оставшегося с незапамятных времен, какой-то подделки под Фаберже, что пылилась на шкафу – пыль вытирать лень, – и еще портсигара с надписью «Люби меня, как я тебя, век не забуду я любя».

Лизу вся эта новоиспеченная мода на старину, на «купеческую Русь», на четырнадцатый год раздражала и казалась надуманной и искусственной.

Ну, что эта самая Света может понимать в старине?! Или бабушка у нее была графиня, а дедушка князь?!

– Света, проходи. Макс, а ты фильмы до вечера не смотри, одуреешь!

– Ладно-ладно.

– Слушай, я, кажется, машину не заперла. Что мне теперь делать?

– Сходи запри, – предложил Макс. – Или… Она у тебя где? Ты за шлагбаум заехала?

– Ну конечно.

– Тогда не ходи, – решил Макс. – Я ребятам сейчас позвоню, они присмотрят. Чего зря таскаться-то!..

– Спасибо тебе. Ты настоящий друг.

– Я настоящий друг, – подтвердил Макс. – Громов – друг детей.

Он вышел, и из приемной еще некоторое время доносился его голос, пониженный на несколько тонов – очевидно, он развлекал удрученную Милу,

слегка флиртовал, отчасти пошучивал и своего добился. Мила тоненько засмеялась, потом затихла и после того, как хлопнула дверь в приемную, встревоженно заглянула в кабинет, не слышала ли начальница.

Вот дурочка. Молоденькая дурочка, которой нравится взрослый дяденька.

Лиза из вредности пересмотрела все принесенные Светой бумаги и дала три задания – одно невыполнимое, другое трудновыполнимое, а третье самое легкое. На первом она расстроится, на втором возгордится, а на третьем отдохнет и полюбит начальницу, и все будет хорошо.

Мы прорвемся, мой король.

Во второй половине дня приехал Альфред Миклухин, молодой, красивый, с портфелем «Тексьер», который он ставил так, чтобы время от времени в процессе разговора поглядывать на него. Портфель придавал ему значимости и уверенности в себе.

Лиза отлично помнила, как в первый день знакомства он решил научить ее правильно работать и долго объяснял, как именно ей следует относиться к его персоне, как его уважать и ценить. Хотя бы за то, что он, в отличие от Лизы, учился в Йельском университете, а степень получал в Сорбонне.

– Молодой человек, – сказала тогда Лиза, – если вы не знаете, то я вам сообщаю, что весь бизнес строится только на личных отношениях. Все остальное вторично – даже ваш профессионализм. Будь вы хоть сто раз профессионал, но если мне с вами неприятно общаться, скорее всего никакого сотрудничества у нас не выйдет. Это, по-моему, самое большое заблуждение из всех, какие только могут быть. Никто не станет работать с неподходящим человеком, даже если он семи пядей во лбу. Ну как? Попробуем любить и уважать друг друга или расстанемся?

Альфред присмирел, и с тех пор все у них шло гладко.

Он проникся к ней уважением, а она перестала читать ему лекции о природе отношений в бизнесе. Теперь они с подчеркнутым вниманием относились друг к другу, отзывались на каждый звонок и «выезжали» друг к другу по первому зову.

Альфред сделал несколько корректных замечаний по программе, которую готовили Лизины сотрудники. Лиза некоторые замечания приняла, а некоторые отвергла, тоже очень корректно.

Потом он внезапно пригласил ее на ужин, очевидно, повинуясь некоему всплеску добрых чувств, произошедшему на почве обсуждения программы. Лиза отказалась, пообещав, что в «следующий раз» непременно и с удовольствием.

Этот самый «следующий раз» был сродни «дружбе». Альфред вполне удовлетворился ожиданием «следующего раза», а Лиза твердо знала, что никакого такого раза не будет.

Потом она позвонила сестре, получила от нее порцию руководящих указаний – сестра, несмотря на то, что была младше на целых полтора года, все равно руководящую и направляющую роль всегда брала на себя. Еще они обсудили, что подарить родителям на Новый год, какой именно торт они станут печь и где бы взять мужчину, который под елочку положил бы бриллиантовое колье и билеты первого класса до Парижа. Можно и до Рио-де-Жанейро.

В самом конце дня Лиза неожиданно вспомнила, что Игорь так и не позвонил и на обед они никуда не сходили – а это было бы так здорово, так красиво, как в телевизоре! Он и она обедают вместе, улучив минутку среди бесконечной череды дел, и два портфеля на полу стоят, привалившись друг к другу кожаными щеками, а они перешептываются над тарелками с салатом и вазочками с желе, молодые, успешные, состоявшиеся всем на зависть!

Подумав, Лиза позвонила ему на мобильный, но он трубку не взял, и она огорчилась немного.

До дома она добиралась долго – снег шел целый день, расчистили, как водится, только одну полосу, и все машины тупо стояли в этой самой полосе, как в очереди. Лиза тоже стояла в очереди, подпевала приемнику, постукивала по рулю, а потом принялась кусать заусенцы – привычка, за которую ее все время ругала сестра Дунька, но невозможно, невозможно было уже подпевать приемнику, злиться и ничего не делать!

Она приехала в Рощино, злая и голодная, с обкусанными ногтями, затормозила у ворот и сильно перепугалась, когда увидела громадную черную тень, которая

двигалась по белой гаражной стене.

Лиза, как любой столичный житель, мгновенно впадала в панику. Эта самая паника – плата за жизнь в русском мегаполисе – все время подстерегала рядом. Любое отклонение от привычного казалось Лизе, и она подозревала, что не только ей, фатальным и страшным. Что на этот раз?.. Взрыв, удушающий газ, захват заложников?.. И неужели сейчас… в меня? Неужели не пронесло?

Несколько секунд Лиза всерьез раздумывала, не сдать ли ей назад, не вернуться ли в Москву – кто-то сегодня уже говорил ей про Москву! Ну, почему, почему она не осталась?!

Рука сама потянулась к рычагу, пальцы впились в него, как когти, она метнула взгляд в зеркало, чтобы понять, свободен ли путь, и нога приготовилась давить на газ, когда темная туша вошла в освещенное пятно и оказалась…

Черт побери все на свете!..

Лиза дернула ремень, рванула, откинула его и выскочила из машины.

– Что вам здесь надо?!

– А?

– Что вам здесь надо, я спрашиваю?! Почему вы здесь ходите?

– А… где мне ходить?

– Убирайтесь от моего забора. Немедленно!

– Я бы с удовольствием, но это и мой забор тоже.

– Как?

Он издали посмотрел на нее, словно прикинул что-то.

– Я ваш сосед. Меня зовут Дмитрий Белоключевский. А вас?

Какое-то смутное воспоминание мелькнуло у нее в голове, связанное с буквами этой сложной фамилии. Откуда-то она ее слышала или давно знала, но откуда и как она могла ее знать?

– Меня зовут Лиза Арсеньева. То есть Елизавета Юрьевна.

– Я должен звать вас по имени-отчеству?

– Вы должны сказать мне, что вы тут делаете!

Он шумно вздохнул и полез в карман своей колом стоявшей дохи. Позади Лизы работал двигатель – урчал успокаивающим, цивилизованным звуком, как человеческий голос в грозу.

В крайнем случае она немедленно кинется в машину, запрет все двери и уедет.

Спасется.

– Я чищу снег, – сказал он. – Завтра вы не сможете выехать, если сейчас не почистить.

– Я не поняла, – язвительно произнесла Лиза после некоторой паузы. – Вы обо мне заботитесь, что ли?

Он пожал плечами – почти незаметным под дохой движением. Сигарета тлела в его пальцах, и снег летел с черного неба.

Когда Лиза была маленькой, она часто думала, как это так получается, что с такого черного неба летит такой белый снег. Этого не может быть. Ошибка какая-то.

– Извините, – пробормотал сосед, повернулся к ней спиной, бросил окурок и зашаркал по снегу лопатой.

Глупо и невозможно говорить что-то мужчине, который, согнувшись, кидает снег, и Лиза просто пошевелила губами, словно продолжая ненужный спор, и стала шарить по карманам в поисках брелка, открывающего ворота.

Она шарила долго и сердилась на себя, на этот скрежещущий звук и на согнутую спину в черной дохе, а потом сообразила, что ключи остались в зажигании, значит, и брелок там же. В зажигании то есть.

Она заехала в гараж, погасила фары и вылезла из машины. Она никогда не запирала ее, оставляя в гараже, такая у нее была «разгильдяйская привычка», как говорил Игорь. Привычка осталась с давних времен, когда отец однажды запер в машине кошку Машу. Маша забралась на теплое сиденье поспать, а отец не заметил. Дело было летом, машина стояла на солнышке, и до самого вечера все время от времени рассеянно говорили друг другу, что надо бы посмотреть, где это кошка так орет. Потом догадались, Машу извлекли почти угоревшую и долго откачивали, поливали водой, отчего она стала похожа на мокрого крысеныша, и утешали и извинялись. С тех самых пор Лиза машину и не запирала.

Выходя из гаража, она еще покосилась на черную громадину пришлого джипа, и он показался ей очень надменным.

Кто, господи помилуй, этот самый Дмитрий Белоключевский?! Что-то такое очень знакомое, но что?..

Нет, не вспомнить.

Лиза поначалу хотела гараж запереть, но решила, что это свинство. Калитка и так была заперта, она проверила.

Все-таки сосед, если не врет.

– Послушайте, – громко сказала она, выглянув из ворот. – Я ухожу, свет выключаю и ворота гаража запираю. У вас есть ключи?

– Есть, – сказал он, не поворачиваясь. – Спокойной ночи.

Ишь, вежливый какой!

На ужин она съела неопределенный фрукт под названием киви – говорят, для похудания очень хорошо, – и посмотрела телевизор. По телевизору показывали любовь – девушки говорили пронзительными голосами, а мужчины выглядели мужественными и печальными. Почему-то все мужчины бывают печальны, а девушки крайне взвинчены, когда представляют телевизионную любовь.

Лиза досмотрела любовь до конца, а потом еще новости – в Москве снег, в Самаре отключение электричества, цены на нефть поднялись, доллар пошатнулся, евро укрепился, Джордж Буш поздравил американцев, американцы счастливы. От новостей есть захотелось еще сильнее – ну, нисколько, нисколько фрукт киви не был похож на еду, и, вздыхая и печалясь о собственном несовершенстве, она съела два толстых куска розовой колбасы с черным хлебом и запила большой чашкой чая.

От чая в животе стало горячо, а от колбасы на душе светло, и она поклялась себе, что больше в жизни не станет покупать колбасу! Вот если бы ее вовсе не было, она бы и не ела!

Утром в гараже рядом с машиной Лиза обнаружила труп своей сотрудницы Светы Крюковой.

Она лежала, скрючившись, почти уткнувшись лицом в колени, и Лиза даже не сразу поняла, что это такое.

Она даже разглядывала ее с любопытством.

А когда поняла, то некоторое время стояла молча, взявшись ледяной рукой в перчатке за стойку, потом попятилась, потом повернулась и побежала.

Снег скрипел под ногами, Лиза тяжело дышала.

Она добралась до дома, заперлась на все замки и позвонила в милицию, Дуньке и Игорю.

В милиции вяло сказали, что приедут, ждите.

Дунька завопила, что немедленно будет.

Игорь помолчал и высказался в том духе, что он предупреждал и это не его проблемы.

Только и всего.

Соседа почему-то не арестовали, хотя Лиза была уверена, что это он прикончил Свету, и даже сказала об этом толстому и добродушному милиционеру, который представился оперуполномоченным Светловым.

– Проверим, конечно, девушка, что вы волнуетесь, – ответил ей оперуполномоченный, – вас тоже проверим. Вы же и сами могли ее… того.

– Я?! – поразилась Лиза, которой ничего подобного не приходило в голову. – Как это я?!

– Вы же ее знали, потерпевшую-то?

– Да, но…

– Она у вас работала?

– Да, но…

– Вы начальница, она подчиненная?

– Да, но…

– Вы ее первая нашли?

– Да, но…

– Вот и проверим все, – неожиданно заключил оперуполномоченный. – Кто работал, кто не работал, кто знал, кто не знал и кто где был. А может, и не станем проверять, если труп не криминальный.

– Как… не криминальный?!

– А неизвестно, отчего она умерла? Может, сердечко прихватило или еще чего-нибудь. Прихватило, в смысле, – сказал Светлов довольно равнодушно. Какие-то люди курили в отдалении, рация хрипела, и снег все летел. – На убийство, вообще говоря, не очень похоже, девушка.

– Как… не похоже?!

– Да что вы заладили – как, как! А так. Следов никаких нет.

– Как – нет? – спросила Лиза и спохватилась, потому что уполномоченный посмотрел на нее с подозрением.

– Нет следов, – повторил он и повел рукой, словно демонстрируя ей отсутствие этих самых следов. – Снег всю ночь шел.

– Шел, – согласилась Лиза.

– Ну вот. Ни с улицы, ни от вашего дома, ни от соседского никто к гаражу не подходил. Вон ваши следочки, но они свежие, утренние. Вечерние уже засыпало, а перед гаражом ваш сосед вчера чистил. Ведь так?

– Чистил, – согласилась Лиза немного дрожащим голосом.

– Ну вот. И он, и вы показываете, что вечером в гараже никакого тела не было. Не было или было?

– Вы что, издеваетесь надо мной?! – крикнула Лиза.

– Ни боже мой, – непонятно побожился Светлов. – А раз не было, значит, он только ночью мог появиться. А как, спрашивается, он появился, если следов нет? С потолка в вашем гараже упал?

– Да Света никогда в жизни не была в моем гараже! – почти закричала Лиза. – Никогда! И на участке у меня не была, и в доме! Я не приглашаю сотрудников домой! Я не люблю фамильярностей!

– Так я и не говорю, что любите, – успокаивающе сказал Светлов и, скосив глаза к носу, уставился на свою сигарету.

– Майор! – издалека позвал Белоключевский, и Лиза с изумлением поняла, что и он тут же – в группе людей, которые курили неподалеку. – Вы лучше у меня спросите, что вы к ней пристали!

– Да не пристал я. Работа у меня такая.

Тем не менее он отошел, присел и стал что-то рассматривать на снегу.

Лиза отвернулась и вытерла замерзший нос. Соседу она была благодарна за то, что он избавил ее от мучений – разговаривать с уполномоченным оказалось трудно.

Ей было до ужаса жалко Светку, она ничего не понимала, и весь мир ее в одну секунду скособочился, перекосился и поехал куда-то в сторону. Об этой самой стороне она не имела никакого представления и не знала, как теперь быть.

В отношении оперуполномоченного Светлова особых надежд она не питала.

Как ее сотрудница могла попасть в гараж?! Откуда она вообще взялась, ведь никто из сослуживцев никогда у Лизы не бывал и вряд ли знал, где она живет – прописана она у родителей и в Рощино переехала лишь в прошлом году, решив, что пустующий загородный дом – это совсем неправильно. Она сделала здесь ремонт, навела порядок, насколько могла, конечно, но никогда не приглашала гостей, все дистанцию соблюдала!

А Света?! Откуда она могла взяться?! Не с неба же свалилась!

Нужно звонить Громову, просить, чтобы приехал или хотя бы узнал что-нибудь, ну, хоть кто такой этот Светлов, который усиленно давал ей понять, что она идиотка!

Лиза отошла, присела на корточки и прижала руки к лицу.

Так она сидела некоторое время, а потом кто-то поднял ее за локоть.

Она оглянулась и близко от себя увидела очень черные прищуренные глаза.

И что он щурится, этот сосед?! Видит плохо?! Пусть тогда очки наденет.

– Тебе плохо?

– Нет, мне хорошо. Отлично просто. И говорите мне «вы»!

– Нет, – отказался он совершенно серьезно. – Не стану. И тебе не советую. На «ты» гораздо проще.

– Мне не пятнадцать лет, и тебе тоже не шестнадцать.

– Какая разница, – возразил он. – Я так понимаю, что нам теперь придется часто общаться.

– Я не хочу с тобой общаться.

Он помолчал, а потом сказал негромко:

– Они уезжают. Тело увозят. Пойдемте, там нужно что-то подписать.

Он отпустил ее локоть и шагнул назад, как будто боялся, что она начнет приставать.

Тогда она еще не знала, что так будет все время – он всегда станет делать шаг назад, как только она попытается к нему приблизиться.

Даже тогда, в ее обморочном состоянии, это ее задело.

Они подписали какие-то разграфленные бумаги, заполненные шариковой ручкой таким почерком, что казалось, будто писал малограмотный, и все разошлись. Сосед тоже пропал из виду, зато приехала Дунька.

– Дуня, – сказала Лиза, как только сестра выскочила из машины, – у меня в гараже убили Свету Крюкову. Представляешь?

Губы у нее затряслись, она уткнулась в мех Дунькиной шубы и зарыдала.

В следующие несколько дней она со всей полнотой прочувствовала значение непререкаемой формулы – «это не мои проблемы».

С проблемой, рухнувшей на нее, как лавина на незадачливого альпиниста, она осталась совсем одна. Дунька ничем не могла помочь, хотя и старалась, и приезжала по вечерам, и однажды сварила куриный бульон, и ночевала, и сидела рядом, и бдительно запирала все двери, которых было очень много в старом доме.

Игорь не приезжал.

Громов пообещал все узнать, навел страху на всех сотрудников короткой лекцией о том, какие именно меры безопасности следует соблюдать – совершенно невыполнимые! Лиза знала, что к нему нужен «особый подход», что его нужно умолять, уговаривать, восхищаться им, и тогда дело, возможно, сдвинется с мертвой точки, но ни на что это у нее не было сил.

Из всех людей на планете рядом с ней остался только… сосед, который каждый вечер встречал ее у ворот и с упорством маньяка предлагал загнать в гараж ее машину, хотя она неизменно отказывалась. Он маячил у нее под окнами, и она понимала: дает ей понять, что он рядом.

Не бойся, я все время где-то поблизости.

А потом он подарил ей букетик, и это стало последней каплей, потому что она его тут же поцеловала.

Лиза была уверена, что поцелуй – второпях, в темноте, сухими сомкнутыми губами – изменит все.

Она задумчиво глотнула из бокала, при этом немедленно почувствовав себя героиней некоего романа. Может, даже романа в стихах.

Нет, тогда не так.

Тогда так – она была уверена, что тот поцелуй изменит хоть что-то. Ни черта он не изменил.

То есть совсем. То есть ни капельки.

Он продолжал жить своей отдельной жизнью, за своим отдельным забором, куда он немедленно скрывался, как только у них кончались «общие дела».

Общие дела – суть история с трупом.

Ну что, что можно с этим поделать?!

Она никогда не бегала за мужчинами, никогда в них не нуждалась – или делала вид, что не нуждается. Впрочем, практика показала, что нуждаться в таких, как Игорь, не имеет никакого физического смысла. Философского или какого-то иного смысла не имеет тоже.

«Господи, если бы я знала, что все так повернется, я бы согласилась не только на общий гараж – прав, прав был папа! – но и на общее крыльцо, общую кухню и общую ванную».

Интим не предлагать.

Лиза еще раз глотнула, моментально позабыв про роман в стихах.

Или предлагать?..

Только как, как его предлагают?! И прилично ли предлагать его соседу, который просто сосед – милый человек, взваливший на себя ее нынешние проблемы то ли от скуки, то ли по доброте душевной, то ли еще по каким-то, ей неизвестным соображениям!

И еще, очень важное, самое важное. Главное.

Она не умела никому доверять. Она никогда и никому не доверяла с тех самых пор, как лучшая подружка Наташка в десятом классе получила приглашение на вечеринку от суперзвезды десятого «А» Нины Росс, и отправилась туда, и на следующий день перестала быть лучшей Лизиной подружкой.

Нина была хороша собой, умна, насмешлива и пользовалась бешеной популярностью не только у мальчиков и девочек начиная примерно с пятиклассников, но и у преподавателей.

Нинина мама дни и ночи проводила или в кабинете у директрисы, или возле подоконника поблизости от него – когда кабинет оказывался занят или заперт на замок. Такое тоже иногда случалось, хотя шестнадцатилетней Лизе всегда казалось, что директриса затаилась в своем кабинете, как лев в пещере. Точит когти и намечает следующую жертву. Директриса любила кровавые и продолжительные истязания, с вызовом родителей, собранием «актива класса», педсовета и изредка с привлечением дородной инспекторши по делам несовершеннолетних. Вот эти самые «дела несовершеннолетних» и казались самыми опасными. Школа была «правильная», специализированная, с правильным и специализированным набором предметов, а самое главное – с правильным и специализированным набором родителей и детей. Директриса, брошенная «на усиление воспитательной работы» из соседнего ПТУ, взялась за дело со всей серьезностью. Появилась инспекторша, и призрак детской комнаты милиции замаячил в коридорах благопристойной и благополучной школы. Лизина мама возле директорского кабинета никогда не торчала, искренне считала все это глупостями и была наивно убеждена в том, что в школе нужно просто хорошо учиться и этого достаточно.

Этого было явно недостаточно. Зато Нина, благодаря караульной службе своей мамаши и собственным способностям, быстро выбилась в звезды номер один. Лиза в ее присутствии всегда помалкивала, жалась в угол, очки съезжали у нее со вспотевшего носа. Ни ее, ни Наташку в Нинину компанию никогда не брали – толку от них все равно никакого не было. Развлекаться они не умели, вермут не

пили – как можно! – мальчикам не нравились. У них не было свободных квартир, куда можно притащить всю компанию слушать магнитофон, валяться на диванах и целоваться на кухне. Наташкина мама, учительница музыки со строгим пучком, находилась почти всегда дома, а Лиза все дни проводила у бабушки, куда ее сдавали, чтобы та приглядывала за девочкиной учебой. Бабушка приглядывала в прямом смысле – внучка учила уроки за неудобным дедушкиным письменным столом, а бабушка сидела рядом на табуреточке, вязала и посматривала поверх очков довольно строго. Какие там компании, диваны и вермут!..

В десятом классе Наташка неожиданно похорошела, но это не имело никакого значения. По-прежнему они с Лизой были не разлей вода, сидели за одной партой, на переменах грызли яблоко, откусывали по очереди, и лежали грудью на холодном гранитном подоконнике, с тоской глядя на улицу, где веселые мамы катили коляски с разноцветными одеялами и где была полная свобода. Свобода!..

Похорошевшая Наташка не сознавала своего изменившегося статуса до той минуты, пока Нина не пригласила ее в гости. Это приглашение было сродни признанию, вовлечению в круг «посвященных». Наташка «вовлеклась» с осторожным и независимым видом – подумаешь, мол, не видали мы ваших приглашений! Однако, несмотря на всю независимость, в первый раз в жизни она вдруг заплакала от того, что ей нечего надеть. Выходное клетчатое платьице, единственное на все случаи жизни, в расчет не бралось. Лиза тогда заподозрила неладное, но так, слегка. Наташка была постоянной величиной в ее жизни, и ничто не могло эту величину сделать переменной, ей по крайней мере так казалось.

Клетчатое платье было забраковано совершенно, и джинсы все-таки появились. Мама со строгим пучком, вздохнув, вытащила из коленкоровой тетрадки с нотными знаками отложенные сто рублей, они с Наташкой съездили в магазин и вернулись счастливые. Джинсы купили индийские, разумеется, но все-таки это были настоящие джинсы с настоящей кожаной нашлепкой чуть выше задницы!

С вечеринки Наташка вернулась другим человеком, «признанным и посвященным». Она больше не грызла с Лизой яблоко, не шепталась на подоконнике и не рассматривала «свободу», простиравшуюся за голыми ветками старых школьных лип.

Все изменилось.

Потом она пересела за соседнюю парту и через неделю уже была лучшей подружкой Нины Росс, а вовсе не какой-то там Лизы Арсеньевой!

Лиза долго крепилась и делала вид, что ничего не происходит, но это было трудно – она осталась совсем, совсем одна, как в пустыне, полной лишений и опасностей в виде директрисы, точившей когти в своем кабинете, агрессивной среды и сознания того, что шаг влево или вправо может оказаться роковым и детская комната милиции перестанет быть просто призраком, и тогда прощайте, характеристика, институт и вся жизнь! Тогда все в это верили, и именно так, как шестнадцатилетняя Лиза, – истово и честно.

Она долго крепилась, а потом все-таки зарыдала на глазах у перепугавшейся бабушки, и та утешала ее, умывала, и даже принесла в кружечке воду и сказала, что все это не имеет никакого значения. Что там Наташка, подумаешь, Наташка!.. Подруги хороши только в дополнение к основной жизненной цели. Основная жизненная цель – это отличная учеба в школе, затем правильный институт, а после него ударная работа на производстве. На благо общества, дающего каждому по потребностям и требующим от каждого по способностям. Как-то так сказала бабушка или, может, чуть иначе.

Лиза не слишком в это поверила, но зерно сомнений было посеяно. Может, и в самом деле подруги не имеют значения?! И вообще люди вокруг не имеют значения?! И если это так, стоит ли вообще с ними возиться?!

И Лиза разучилась доверять окружающим. Постепенно. Медленно, но верно.

Все люди, появлявшиеся в ее жизни, проплывали, так сказать, по поверхности. Нырять «на глубину» она никому не позволяла, да, собственно, никто особенно и не пытался. Но абсолютно во всех человеческих проявлениях с тех пор она искала и находила подвох.

«Зачем он принес мне цветы? Ему что-то от меня нужно, только бы правильно угадать, что именно. Почему он позвонил и спросил, как дела? Его не могут интересовать мои дела, он хочет уладить какие-то собственные, и надо только правильно понять, какие именно. Почему она притащила мне витамины из аптеки? Она говорит, что хочет помочь, но это не может быть правдой!»

Лиза доверяла только Дуньке, язвительной, насмешливой, остроумной, которую невозможно было провести на мякине.

Значит, нужно позвонить сестре и во всем признаваться – в том, к примеру, что она не знает, как предложить себя соседу, который то ли бомж, то ли тунеядец, то ли просто какой-то обмылок и неудачник!

Лиза засмеялась во все горло, и смех, странно громкий в тишине сонного дома, показался ей неприличным, и она испуганно примолкла. Можно представить, что скажет ей Дунька.

Ты сошла с ума, вот что она скажет. Ты совсем распустилась. Очнись. Какой еще сосед?! У тебя работа, проблемы, Игорь и концерт Спивакова на следующей неделе, который никак нельзя пропустить, что бы ни происходило вокруг. Кто же в здравом уме и твердой памяти может пропустить концерт Спивакова, пусть хоть сто трупов в гараже?!

Лиза посмотрела в свой стакан, неожиданно оказавшийся пустым. На дне болтался истончившийся кусочек льда, приятно позвякивал. Пожалуй, надо еще налить.

Она любит выпить, говаривал судья Кригс из фильма. Этим надо воспользоваться.

Вздыхая, Лиза потащилась на кухню, где за резным стеклом старинного буфета янтарным пятном просвечивала бутылка виски. Как глупо все, и даже эта бутылка за стеклом – ужасная глупость!

Вот как все изменилось с тех самых пор, как она нашла в своем гараже труп, и до сих пор непонятно, что будет дальше, а ее занимают какие-то дикие мысли о соседе!

Странное шарканье за окном, размеренное и повторяющееся раз за разом, заставило ее насторожиться. Она считала себя здравомыслящей женщиной и никогда и ничего не пугалась «просто так», но любое здравомыслие даст трещину, когда находишь труп в собственном гараже!..

Шарканье продолжалось, и Лиза, сунув на стол пустой стакан, тихо подошла к окошку. На кухне у нее были жалюзи, которыми она очень гордилась, итальянские, длинные, с золотистыми прожилками, приятно шелестевшие, когда до них дотрагивались. Она раздвинула шелковистые полоски и ничего не увидела, кроме снега, залитого желтым электрическим светом. Островерхие тени от сугробов боком лежали под соснами.

Непонятный звук, показавшийся очень близким, повторился снова, и она стиснула в кулаке полоску. Затылку стало холодно, словно в него смотрели чьи-то напряженные недобрые глаза.

Что это может быть? Какая еще беда стряслась?! Еще один труп?! Или на этот раз убийство случится прямо у нее под окном?! А следующий труп будет ее собственный?!

Телефон. Звонить. Немедленно.

Только кому звонить?! Игорю?! В МЧС?! В «Скорую»?!

И куда подевался этот проклятый телефон?!

Опять! Опять шаркающий короткий звук, как наждаком по оголенным нервам, и еще, и еще один! Желтый электрический свет фонаря стал как будто размытым, серым, и тень под сосной вдруг шевельнулась, скакнула почти до стены гаража и стала двигаться, бесшумно и стремительно.

Лиза стиснула кулак. Входная дверь! Заперта или нет?! Что делать, если не заперта?!

Тень странно согнулась, и опять раздался жуткий звук, от которого кожу на голове стянуло к затылку!..

В следующую секунду, на следующем вдохе, она вдруг поняла, что это сосед чистит ее дорожку. Чистит и шаркает лопатой. Чистит и ходит под соснами, под желтым электрическим светом.

Она рванула свои драгоценные жалюзи и почти прижалась носом к холодному стеклу. Стекло моментально запотело, и она с досадой протерла его ладонью.

Ну да. Это сосед. Никакого трупа и убийства. Можно пока не звонить в МЧС.

Лиза вдруг бросилась бежать по тихому дому, добежала до прихожей, напялила куртку, сунула ноги в унты, накинула капюшон и выскочила на улицу, чуть не упав на скользком крылечке.

Входная дверь оказалась не заперта. Вечно она забывала ее запирать, идиотка!

Снег валил, тихий, мягкий, совсем новогодний. Он валил весь день, и дорожки были засыпаны снегом, и крыша гаража, и перильца крылечка, и деревья стояли не шелохнувшись, как будто привыкали к новому, зимнему состоянию.

Придерживая разлетающиеся полы куртки, Лиза обежала дом и увидела его.

Дмитрий Белоключевский курил. Стоял, опершись на свою лопату, как заправский дворник. Снег сыпал ему на голову, и время от времени он стряхивал его, по-лошадиному мотая головой.

– Эй! – издалека негромко сказала Лиза, и он оглянулся. Рукавицы были комом засунуты в доху, которая от этого сильно оттопыривалась на груди.

– Что?

– Как – что?! – Она дергала свою «молнию», пытаясь застегнуть, а тут от возмущения перестала и уставилась на него. – Что ты тут делаешь?!

– Я тут чищу снег, – сказал он вежливо и опять затянулся. – Надо от гаража тоже отгрести, а то ты не выедешь завтра.

– Как ты сюда попал?!

– Куда именно?

– На мой участок.

Он сделал такое движение, словно пожал плечами. Под дохой было почти не видно.

– Пролез в дыру в заборе. А что?

– Ты напугал меня, – громко сказала она и опять дернула «молнию», – я решила, что у меня под носом опять кого-то убили!

Он помолчал.

– Никого не убили.

– Я уже поняла, – сообщила она своим самым язвительным тоном. – Ты чистишь дорожки, и ты вошел в дыру. Никаких убийств.

Он посмотрел на свою сигарету и сказал медленно:

– Я не пойму. Тебя это огорчает?

– Что?..

– Что никаких убийств?..

– Ты дурак?! – пронзительно воскликнула Лиза. – Совсем?

Он отшвырнул сигарету и снова зашаркал своей лопатой. Согнутая тень поползла по соснам.

– Я не люблю оскорблений.

О да. Об этом она была уже осведомлена. Зато он не был осведомлен о том, что весь вечер ее занимал вопрос, как бы предложить ему интим половчее, и еще ее всерьез мучил вопрос вчерашнего букета – «со смыслом» он был преподнесен им или без всякого смысла?! И еще несколько подобных, умных и важных, вопросов.

Ни о чем таком он не знал, конечно.

Заевшая «молния» освободилась, шустро поехала вверх и впилась в Лизин подбородок, закусила кожу. Лиза охнула и схватилась за подбородок обеими руками.

Завтра будет красота. Укус станет фиолетовым и желтым, заметным со всех сторон. Она замажет его пудрой, очень неудачно, конечно, так что он проступит особенно гадко и «с намеком». Все сотрудники первым делом уставятся на синяк, а уж потом с жадным любопытством станут рассматривать ее физиономию в поисках следов от «оргий», которым предавалась их начальница, с виду такая приличная!..

– Что случилось?

– Ничего.

– Я же вижу.

– Дима, – сказала Лиза с нажимом, – ты гребешь свой снег, вот и греби.

– Я гребу твой снег. Мой у меня на участке.

Лизе показалось, что он на что-то намекает. Например, на то, что вовсе не хочет грести ее снег, но все-таки гребет, потому что такой благородный. Господи, какая чушь!

– Ты поговорила с Громовым?

– Да.

– И что он сказал?

– Да ничего не сказал, Дима! Обещал, что в выходные приедет и посмотрит двери. А я объяснила, что двери ни при чем, потому что не было никаких следов, кроме колес от моей машины, даже утренние твои засыпало, помнишь?!

Он перестал шваркать лопатой, выпрямился и посмотрел на нее, опять кого-то ей напомнив. Ну, на кого, на кого он похож?! Как большинство женщин, Лиза могла воспринимать сей «предмет» только, так сказать, в целом. В этом самом целом «предмет» на кого-то удивительно походил. Но среди ее знакомых никогда не было неуклюжих, бритых почти наголо мужиков в овчинных тулупах!..

И с ним она вчера поцеловалась на пороге гаража, вернее, сделала попытку поцеловаться, которая почти провалилась, так как он ее почти отверг!

Вспомнив об этом, Лиза вдруг разозлилась так сильно, что стало ясно – надо немедленно уходить в дом, иначе что-нибудь нехорошее выйдет.

С тех пор как в десятом классе ее отвергла Наташка, а «первая любовь» в институте доходчиво объяснила, что таких, как Лиза, вокруг пруд пруди, можно их сачком ловить и в коллекцию десятками помещать, она дала себе слово, что никогда больше никто не посмеет ее отвергнуть. Просто потому, что она не дастся. Больше никому и никогда она не станет себя предлагать.

Дунька была с ней совершенно согласна – но Дуньку никто и никогда не отвергал, она-то как раз всем и всегда была нужна!..

– Я пойду, – скрипучим голосом сказала Лиза. – Я… спать хочу.

– Минуточку, – как будто удивился сосед, – ты еще недорассказала про твоего Громова. Следов-то на самом деле не было! Если я хоть что-то понимаю…

Он понимает!.. Что он может понимать, этот мужик в тулупе?! Еще неизвестно, где он взял машину, на которой ездит! Может, где-нибудь украл!

– Дима, это совсем не твое дело. Я разберусь сама.

Опять это смутное движение, плечи дрогнули под тулупом.

– Ну, пока у тебя не очень получается.

– У меня все получается прекрасно.

– Я вижу.

Нет, это невозможно! Немедленно уйти в дом, и не забыть запереть входную дверь, и виски плеснуть в стакан, и дивные итальянские жалюзи закрыть наглухо! Можно еще свет на улице погасить, чтобы ясно дать понять – ему самое время убраться вон! Пусть разгребает свой снег, раз уж ему так приспичило!

Он искоса посмотрел на нее, как показалось Лизе, насмешливо. Воткнул лопату в сугроб и неловко полез за сигаретами. Тулуп оттопырился, рукавица упала в снег, он подобрал.

– Если Громов ничем не может нам помочь, я найду кого-нибудь из своих знакомых. У меня есть знакомые в… правоохранительных органах.

– В каких еще органах! Какие еще знакомые!

– Самые обычные. Знакомые. Лиза, мы не можем…

– Кто такие мы?! Никаких нас нет! – Она будто швырнула ему в лицо горсть снега, потому что он сморщился и взялся за свою лопату, как за меч. – Это моя проблема, и я сама ее решу!

– Это и моя проблема тоже. Труп ты нашла в моем гараже. В нашем общем гараже, – поправился он через секунду.

Но разве дело в том, кому именно принадлежит этот дурацкий гараж! Конечно, он не мог этого знать и вряд ли догадался бы, даже если у него была волшебная способность читать женские мысли, – и тогда наверняка он прочел бы какие-нибудь не те мысли! – но больше всего на свете ей хотелось, чтобы он сказал, что дело вовсе не в гараже.

Ни при чем гараж. Он занимается ее проблемами только из-за нее самой. Ну, вдруг он внезапно понял, что без нее и ее проблем его жизнь пуста и никчемна, как в романе.

Том самом, который в стихах. В прозе тоже можно.

Так бывает. Или не бывает? Или бывает, но как-то не так? А если и бывает, то все же не с ней и не с такими, как этот?!

– Зачем он тебе сдался?! – еще утром напористо бубнила в трубке Дунька. – Какой-то мужик с соседнего участка! Ты что? С ума сошла?! Это не наш размерчик, Лиза. Наш размерчик – это генеральный директор какого-нибудь банка, ты сама прекрасно знаешь. Куда тебя понесло?!

Но ни один директор какого бы то ни было банка никогда не интересовал Лизу, как этот мужик, – до зуда в затылке, до холода в пальцах, до жгучего подросткового любопытства, которое заставляло ее следить за его домом из-за закрытой шторы! И она сама – сама! – пристала к нему вчера с поцелуями на пороге гаража.

Господи, какая стыдоба! Как неприлично и глупо все!..

– Я пойду.

– Спокойной ночи, – сказал он вежливо. Он вообще был очень вежлив.

– И не надо мне ничего чистить.

– Хорошо. Лопату здесь оставить или отнести в гараж?

– Как хочешь.

Он вытащил лопату из сугроба и перехватил ее поудобнее.

– Спокойной ночи, – повторил он.

Лиза кивнула. Вежливые слова никак не выговаривались.

Он прошел мимо нее в сторону гаража и канул в темноту, и скрип снега под тяжелыми солдатскими ботинками затих в отдалении.

Вот и все. И хватит, хватит!..

Она переедет к родителям, хотя бы на недельку. К родителям или к Дуньке. Наверное, лучше к Дуньке. А может, наоборот, лучше к родителям, чтобы не мешать сестре и ее козлу-супругу. Еще она помирится с Игорем, просто так, чтобы не оставаться с ним в ссоре, и попутно подыщет себе генерального директора какого-нибудь банка. Директор будет добрый, веселый, богатый, щедрый… Еще какой? Ах да. Умный и внимательный. Он станет называть ее «девочка моя», дарить ей сложные дорогие букеты с маленькой фарфоровой феей внутри, демонстрировать в постели чудеса ловкости и выносливости, а весной отвезет ее на Мальдивы. Вот именно так все и будет.

Лиза шмыгнула носом и вытерла слезы рукавом куртки. Рукав был гладкий и скользкий, слезы вытирались плохо, и пришлось крепко пройтись по щекам ладонями. Ладони были горячими, а щеки холодными.

Всхлипывая от жалости к себе и от того, что жизнь так несправедлива, и еще от того, что Дунька, скорее всего, права, как всегда, она потащилась к крыльцу и уже почти обошла дом, когда что-то заставило ее насторожиться. Она замерла, прислушиваясь. Падал снег, и вокруг было глухо, как внутри сугроба. Желтый веселый свет переливался по снежным горам, и сосны стояли, не шелохнувшись.

Лиза быстро откинула с головы капюшон.

Черт побери! Черт побери все на свете! Опять эти шаркающие звуки, доносившиеся теперь из отдаления, от гаража. Она даже не успела ни о чем подумать, потому что через секунду очутилась уже под красной гаражной стеной.

– Что ты делаешь?!

Он даже не оглянулся, только пробормотал:

– А на что это похоже?

– Ты же сказал, что просто поставишь лопату!

– Я передумал.

– Дима, я не хочу, чтобы ты чистил здесь снег.

– Лиза, руководить ты можешь своими сотрудниками. Мной руководить не надо.

– Это мой участок! – И она топнула ногой. Снег скрипнул, подошва поехала, и пришлось торопливо схватиться за ствол ближайшего дерева, чтобы не упасть.

– Участок твой, и снег твой, и лопата тоже твоя. – Он с силой отгреб в сторону примерно половину сугроба. – Это мы установили.

Где-то вдалеке зашумела машина, и краем сознания Лиза удивилась, что кто-то едет так поздно. На их улице было всего три дома, и все давно приехали. Соседи слева даже свет погасили, должно быть, спать легли.

– Дим, ты что? Не слышишь меня?

– Слышу.

В следующий заход он отгреб еще половину сугроба и теперь подчищал длинные и ровные снежные языки, оставшиеся после лопаты, как замерзшие пенные следы за речным катером.

– Мне не нужна твоя помощь, – выговорила Лиза очень твердо, так, чтобы он понял, что помощь ей не нужна решительно ни в чем. И никогда не была нужна. С тех пор, как в десятом классе Наташка…

И вдруг что-то случилось. Что-то неожиданное и очень страшное, потому что звук, резанувший уши, показался очень близким, громким и абсолютно чужеродным, как будто с их тихой улицы вдруг стартовал космический корабль.

Яркий белый свет ударил в глаза. Огромное тело стремительно надвинулось из темноты – чудовище из темной пещерной пасти. Короткий злобный взвизг и скрежет, и Лиза поняла, что машина, вылетевшая прямо к ее забору, ударилась крылом о древний железный столб, на котором когда-то висел почтовый ящик. Потом ящик куда-то подевался, а столб так и остался торчать на границе

участков, Лизиного и соседского. Грязный темный бок оказался прямо у нее под носом, и она увидела, как поехало вниз стекло.

Стекло опускалось, а она просто стояла и смотрела. Откуда-то она знала, что это опускающееся вниз стекло означает смерть.

Ее собственную.

Потом еще что-то произошло.

Мощный короткий удар сбил ее с ног, так что она упала на колени и моментально завалилась на бок, поехала, как куль с мукой, который спускают с палубы парохода, сильно ударилась головой и очутилась внутри участка, под прикрытием бетонного основания забора.

Должно быть, все происходило очень быстро, потому что стекло все продолжало опускаться, и, лежа на боку за забором, Лиза еще успела увидеть, как нечто длинное, похожее на ручку от давешней метлы, неторопливо вырисовывается в темном проеме и странно дергается вверх и назад.

И только через секунду до нее дошел звук, сухой, холодный и негромкий, как будто хрустнула яичная скорлупа. Размытая темнотой туша в дохе и солдатских ботинках, странно короткая, словно сложенная пополам, странно подпрыгнула, повернулась и плюхнулась на снег.

Рукавами куртки Лиза зажала себе глаза, только на одно мгновение, крохотное, маленькое, за которое даже сердце не успело стукнуть, а потом отдернула руки от лица.

Машина чуть укатилась вперед, но была все еще очень близко, так близко, что стало совершенно ясно – второй выстрел убьет ее, как первый убил Диму.

– Что это? – спросила Лиза шепотом неизвестно у кого. – Что это, господи?!

Второй звук оказался намного громче первого, и от него лопнули барабанные перепонки и кости черепа. От этого звука стало нечем дышать, как будто из воздуха моментально исчез кислород и глаза вылезли из орбит.

– А-а-а-а!..

Машина была уже далеко, но из по-прежнему опущенного стекла несло смертью и пороховой гарью, и Лиза поняла – стекло опущено, чтобы было удобней убивать ее.

Со второй попытки, раз уж с первой не получилось.

Но что-то изменилось, и даже искореженным от страха сознанием Лиза уловила это. Уловила и задрала голову, по-детски прижимая уши руками. Стекло в машине куда-то делось, и оголенное дуло торчало теперь как-то на редкость откровенно и цинично, и тормоза визжали, и снег летел в разные стороны из-под колес, твердые, жесткие, колкие комья попадали ей в лицо. Машина дернулась, рванула вперед, ее занесло, задние колеса провалились в снег у соседнего забора.

Черное пятно, которое, как Лиза думала, было мертвым Диминым телом, вдруг снова взорвалось коротким и острым звуком, шевельнулось и выкатилось на дорогу.

Машина буксовала в сугробе, колеса бешено крутились, разрывая снег.

Грохот обвалился вновь, рассыпался в воздухе, окатив ее с головы до ног, и странное «вз-з-з» резануло уши, и что-то злобно чиркнуло по бетону, а потом еще и еще раз.

Стоя на коленях посреди дороги, неловко вытянув руку с пистолетом, ее сосед стрелял по машине, застрявшей в сугробе. После каждого выстрела его руку дергало вверх, и чудовищный звук обрушивался в снег.

Колеса вдруг цапнули твердую землю, машина вздрогнула, поползла, развернулась и оказалась на дороге. Как будто присев перед броском, она рванула вперед, прямо на человека, стоявшего коленями в колее.

– Дима-а-а!!

Еще один бухнувший и разбившийся на тысячу острых осколков звук, короткое движение, и в последнюю секунду перед тем, как полторы тонны темного железа подмяли бы его под себя, превратив в груду окровавленного фарша, он перекатился на обочину, в тень старой черемухи.

Снег был красный. Лиза отчетливо видела, что он красный. Разве может быть столько крови, чтобы залить весь снег вокруг?!

Потом краснота стала пропадать, словно растворяться под синим светом уличного фонаря, и Лиза закрыла глаза, решив, что у нее бред.

Никакого бреда. Никакой крови. Красный свет тормозных фонарей полыхнул в последний раз и пропал за поворотом дачной дороги.

И все стало как раньше.

Ночь. Тишина. Снег. Покой.

Покой?!

Лиза подняла голову, каждую секунду готовая сунуть ее обратно в сугроб. В ушах что-то скреблось, и она не сразу поняла, что скребется вовсе не в ушах, а это старая черемуха скрипит стволом на морозце.

– Эй! – позвала Лиза в сторону черемухи. – Эй!..

Она забыла, как его зовут, того, кто на той стороне дороги. И никак не могла вспомнить.

Оттуда ничего не ответили, тьма лежала все так же плотно и нерушимо. Может, там и нет никого? Может, Лиза все придумала?!

Она стала на колени и огляделась, как после контузии или приземления инопланетян. Впрочем, она точно не знала, что бывает после контузии или когда приземляются инопланетяне.

– Твою мать, – отчетливо донеслось с той стороны дороги. – Мать твою!..

Лиза вздрогнула.

– Эй! Ты жив?

– Жив.

Он сел в снег и неловко, по одной, вытянул ноги, будто затекшие от долгого лежания в неудобном положении. Задрал голову и посмотрел на небо. В небе, прямо над ними, висела Большая Медведица. Сосны почти царапали острыми верхушками бок небесного ковша. Дима подобрал рукавицу, вывалившуюся из-за пазухи и втоптанную в снег, посмотрел на нее, постучал о коленку – вроде как отряхнул – и кинул обратно.

Судьба, подумал он.

Если бы рукавицы были на руках, а не за пазухой, он не смог бы стрелять. Он потерял бы всего три драгоценных секунды на то, чтобы стащить их, – и вместе с секундами потерял бы жизнь. Он знал, что те, в машине, – профессионалы, и ему просто повезло, что сегодня у них ничего не вышло.

Может, потому и не вышло, что он был без рукавиц.

Пальцы замерзли, и он подумал равнодушно, что из-за пистолета. Он еще посидел, потом наклонился вбок и кое-как засунул пистолет в холодный карман дохи.

А Лиза никак не могла вспомнить, как его зовут. В конце концов она решила, что никогда не вспомнит, даже напрягаться не имеет смысла.

– Эй! – сказала она негромко. – Как тебя зовут?

Он вздохнул:

– Сидор Семеныч.

Они помолчали.

Белоключевский шарил по карманам, искал сигареты. Все время натыкался на мокрый ледяной пистолет. Наконец нашел пачку, и тут ему пришло в голову, что Лиза может быть ранена.

– Лиза, ты не ранена?

– Я не знаю.

Он сунул сигареты обратно в карман и, кряхтя и бормоча себе под нос, стал подниматься на ноги. Поднялся и перешел дорогу. Столб, на котором когда-то висел почтовый ящик, сильно наклонился в сторону. Белоключевский зацепился за него полой и поморщился.

Лиза сидела в снегу, таращила лихорадочные глаза.

Да. Дело плохо. Дело пахнет керосином.

Впрочем, при чем тут керосин?!

Дело пахнет снегом, бензином, морозом и порохом. Дмитрий Белоключевский внезапно подумал, что именно так, должно быть, пахнет смерть. Даже в тюрьме смертью не пахло. И после тюрьмы тоже, и запахло только сейчас.

– Ты можешь встать? – Он нагнулся и стал рассматривать ее, очень близко.

– Не знаю. Наверное, могу.

– Наверное или можешь?

– Не знаю.

– Не знаешь или не можешь?

– Я попробую?

– Ну, попробуй, – разрешил он грубо.

Что он станет делать, если она ранена?! Кому звонить?! Куда бежать?! И что будет объяснять там, куда позвонит или побежит?!

Тут такое дело вышло – в нас стреляли, но не убили?! Или убили, но не до конца?! Дайте нам какое-нибудь лекарство от смерти?! Почем средство Макропулоса за полкило или хотя бы за пару таблеток?!

Цепляясь за его овчинный тулуп, словно по ступенькам забираясь, Лиза встала наконец на ноги и глубоко вздохнула, как будто первый раз за день.

– Ну что?

– Что?

– Ранена или нет?

Она посмотрела на него растерянно, и он немедленно обругал себя скотиной. Наверно, нужно жалеть ее и утешать, говорить глупые слова, которые так противно называются «теплыми», или мужественно прижимать ее к себе и слегка целовать в волосы короткими целомудренными поцелуями, из которых должно следовать, что все будет хорошо, во второй серии они поженятся, а в данной, первой, он «контролирует ситуацию» полностью.

Трогательная музыка. Крупный план. Титры!

Титры…

С некоторых пор Дмитрий Белоключевский утратил веру в то, что может контролировать даже собственную жизнь, что там говорить о чужой!

– Лиза, покажи, что ты меня слышишь.

– Что?..

– Покажи, что ты меня слышишь.

Она подняла руку и неуверенно покрутила у него перед носом белой обледеневшей варежкой.

– Я показываю.

– Молодец, – похвалил он и перехватил ее руку.

Не потому перехватил, что намеревался романтическим образом проделать все, что предусматривали сценарист с режиссером, а потому, что она почти задевала его по носу белой варежкой с налипшими катышками снега.

Под колкой и мокрой шерстью мелко дрожало узкое запястье. Очень горячее, так ему показалось.

– Зачем они?.. А? Это кто?! Зачем они… стреляли?..

– Затем, чтобы застрелить. Стреляют обычно именно за этим.

Они вернутся, вдруг подумал он холодно. Обязательно вернутся. Может быть, не сию минуту и не на это место, но попытка номер два обязательно будет.

Они профессионалы. Они знают, что… дело не сделано.

– Пошли, – сказал он. Это было очень глупо, но ему казалось, что за забором им будет безопаснее.

При чем тут забор?!

Ничто не поможет – ни забор, на бетонные стены, ни бронежилеты, даже если надеть их по три на каждого играющего в войну.

«В эту игру играют трое. Четвертый все время выбрасывает».

Нет, пожалуй, не трое, решил он, рассматривая Большую Медведицу. Пожалуй, больше, чем трое.

– Дима, – сказала Лиза, и запястье затряслось еще сильнее. – Они хотели меня… убить?!

Белоключевский потянул ее за руку в калитку и с преувеличенным вниманием захлопнул замерзший замок. Подергал – все в порядке, закрыто.

Лиза вытащила у него руку, и он вдруг удивился. Ладонь без ее руки оказалась как будто пустой.

Пистолет в руке мешал ужасно. А ее запястье – нет, не мешало.

Лиза потрогала плотно уложенные доски. Вокруг замка были три ровные круглые дыры с каллиграфическими краями. Она сняла варежку и потрогала края подушечками пальцев.

Ну точно, решил Белоключевский. Сейчас начнется. Вот сейчас она точно упадет в обморок. Или нет, нынче в обморок не падают. Скорее всего у нее случится истерика.

Почем там средство Макропулоса?..

– От пуль такие большие дырки? – спросила она заинтересованно. – Да?

– А по-моему, – пробормотал Белоключевский, – наоборот, маленькие.

Лиза сделала попытку натянуть варежку, но та была мокрой, ледяной и не налезала. Лиза брезгливо потрясла рукой, как кошка, ступившая в лужу, и распорядилась:

– Пошли.

Почему-то они пошли не направо, к крылечку ее дома, которое светилось приветливым желтым светом сквозь голые ветви деревьев, а налево, к дырке в заборе, на которую все некому и недосуг было привесить калитку.

Белоключевский подталкивал ее в спину. Оказавшись на чужой территории, она оглянулась и снизу вверх качнула головой.

Он уже знал это ее движение.

– Прямо по дорожке, – подсказал он, – иди. Сворачивать некуда. Леша ни фига ничего не чистит. А я только здесь и успел…

– Вот и чистил бы у себя. Зачем ты ко мне на участок полез?

– Затем, чтобы расчистить дорожки.

– Чистил бы у себя.

– Я понял, понял, – сказал Белоключевский торопливо. Господи, как она ему нравилась. – Я больше не буду.

– Что не будешь?..

Они шли уже довольно давно, углублялись в лес. Дома все еще не было видно.

– Слушай, какой же у тебя участок?

– В каком смысле какой?

– В смысле размеров, Дима!

Лес вокруг стоял уже сплошной стеной. Свет единственного фонаря у ворот сюда не доставал. Бузина и сирень, по пояс присыпанные снегом, голыми ветками цепляли Лизины волосы, и она пугалась их, как будто старческих пальцев. Дома по-прежнему не было видно.

– Сколько здесь соток?

– По-моему, семьдесят две, – ответил он, подумав.

– Сколько?!

– Это дедов участок. Старый.

– Здесь все участки старые. Но не такие огромные. Почему этот такой огромный?!

– Потому что дед был академик. Академикам нужно много гулять. Они работают головой, а голову нужно иногда проветривать.

– Это что? – спросила Лиза подозрительно. – Шутка?

– Это чистая правда, – сказал он совершенно серьезно. – Все, пришли. Не так уж и далеко.

Дом поразил Лизино воображение, которое, казалось, сегодня уже невозможно поразить решительно ничем.

– Ого.

Он обошел ее и поднялся на высокое крылечко, скрипнувшее под его весом.

– Подожди, сейчас я свет зажгу, ничего не видно.

Дом, высокий и узкий, с резным кокошником, устремленным в небо и оттяпавшим ручку от ковша Большой Медведицы, напоминал то ли замок волшебника из скандинавской сказки, то ли дом в ирландских холмах, построенный сумасшедшим фермером для своей ветреной возлюбленной. У него было множество разных крыш – в самых неожиданных местах, с разными наклонами, уступами, выпуклостями и впадинами, в которых лежал снег. Сбоку торчала труба, из которой к черному небу струился белый дымок, как в кино. Справа находилось одно окно, а слева два, отчего казалось, что дом усмехается лукаво. Рамы с левой стороны выкрашены белой краской, а справа – темной. На крылечке лежал домотканый половичок, который Белоключевский наполовину сбил, когда поднимался. Луна облизывала один бок, нереальный свет капал на окна террасы, стекал с крыши, струился по стеклам, и Лиза вдруг поняла, что это не просто стекла, а витражи.

Под козырьком вдруг вспыхнула лампочка, и дом как будто пригнулся испуганно, стал не таким уж высоким и узким – призрак в крылатке и шляпе, вступив в отсвет парадного, оказался обыкновенным стариком. Сейчас на старческих ногах он доберется до темноты и опять превратится в призрак – легкий, неуловимый, стремительный.

Вечный.

– Лиза?

– Это старый дом, да? – Закинув голову, она все смотрела, просто оторваться не могла.

– Да. Заходи.

– Ты что, не перестраивал его?

Там, внутри, он перестал шуршать и ронять какие-то вещи – удивился:

– Нет, а зачем?

– А сколько ему лет?

– Дому? – переспросил он. – Больше шестидесяти, наверное. Строили еще до войны, это точно. Заходи.

Она поднялась по крашеным ступеням, чуть не упала, схватилась за шаткие перильца.

– Осторожней, здесь скользко!

– Вот спасибо тебе, – пробормотала она, – вовремя предупредил!

Внутри было тепло и тесно, пахло березовым дымом, старыми стенами и еще чем-то – Лиза не смогла сразу разобрать.

– Можешь не разуваться.

Но Лиза уже скинула унты.

Дверь отворялась в узкий коридор, по одной стене сплошь уставленный книжными полками. Две открытые двери, сумрачные лица каких-то картин, вытертый коврик. Луна, проникая сквозь двери комнат, скакала по пыльному стеклу полок, свивалась в мутные кольца.

– Нам налево.

Налево оказалась кухня – опять книги, господи, на кухне! – раковина, заваленная грязной посудой, угловой диван, два окна с разномастными шторками, допотопная плита и стол, на котором плотно стояли пепельницы и кружки. Пепельниц было пять, а кружек одиннадцать. Лиза посчитала.

– Садись, – неловко сказал Белоключевский. Должно быть, его быт выглядит исключительно убого. Должно быть, тонким натурам вынести подобное сложно. Нужно было хоть посуду помыть, что ли!

Но он не планировал никаких дамских визитов, а ему самому и так все подходило. Два часа назад… нет, полчаса назад никто не знал, что в них будут стрелять на тихой улице в двух шагах от собственного дома! Полчаса назад он даже предположить не мог, что приведет соседку к себе.

– Ты живешь… не один?

Он удивился. Вот какого угодно вопроса ждал, но только не такого. И голос напряженный, словно он застал ее врасплох и заставил выдать какую-то тайну.

– А… что такое?

– Да нет, ничего.

– Я живу один, – признался Белоключевский, чиркнул спичкой, и синее пламя заплясало по кругу. Он воздвиг на пламя кастрюлю.

– Что ты смотришь?

– Мы будем суп есть?

– Нет, какой суп? У меня нет никакого… Ну да. Кастрюля! Там вода. Я думал… кофе сварить. Зря ты сняла ботинки. Холодно и… грязно.

Лиза посмотрела на свои ноги в беленьких шерстяных носочках.

Носочки ей подарила Дунька на прошлое Рождество. Они были украшены кисточками и вышиты медвежьими мордами и красными рождественскими бантами. Лиза подумала, что надо бы немедленно позвонить Дуньке, и тут же об этом позабыла.

– У тебя камин?

Ему теперь казалось, что она все время на что-то намекает. Например, на то, что его дом плох. Его обожаемый, драгоценный, единственный дом. У него теперь только этот. И никакого другого.

– Нет здесь камина.

Лиза потянула носом.

– А чем пахнет так хорошо?..

Белоключевский воодушевился.

– Печкой. У меня есть печка, а камина нет.

Он стал собирать со стола грязные кружки и пихать их в раковину. Пихать было решительно некуда, и, подумав, он составил их на подоконник – очень удобно.

– Зачем тебе так много?..

– Чего?

– Чашек.

– Мне лень их мыть.

– Логично, – согласилась Лиза.

– Если ты сядешь, мне будет гораздо удобней. Места мало.

Лиза приткнулась за неудобный низкий стол. Скатерка задралась, колени Лизы упирались в столешницу. Она подвигала ногами, чтобы стало удобней.

– А почему кофе в кастрюльке?

– У меня нет кофейника.

– Логично, – повторила Лиза. – Выходит, ты все-таки бомж?

– Выходит, так, – легко согласился он. Насчет бомжа она была совершенно права и даже не догадывалась об этом. – Ты… выпьешь чего-нибудь?

– Чего?

– У меня только виски, – сказал он и водрузил на стол шикарную бутылку, никак не вязавшуюся с… обстановкой, как платье от Диора, висящее за верстаком в магазине подержанных автомобилей. – Выбора нет, на самом деле. Или ты пьешь исключительно вино из долины Луары?

– Вино я вообще не пью, – ответила она с досадой. Ей было холодно, так холодно, что зуб не попадал на зуб. – Давай. Наливай скорее.

Он посмотрел на нее с веселым изумлением, и напряжение как будто отпустило.

Все в порядке. Они живы. А остальное уладится.

Не было дня за последний год, чтобы он не повторял себе это слово – уладится! Все уладится. Все будет хорошо.

Он взял с проволочной мойки глубокую тарелку с незабудками, живописно раскиданными по краям, и куда-то ушел.

Лиза посмотрела ему вслед, пожала плечами, отвинтила крышку с бутылки и стала искать, во что бы налить. Стаканов в буфете оказалось как раз два – один зеленого стекла, а другой странной формы.

– Это подсвечник, – объяснил вернувшийся Белоключевский. – Бывший. Из него могу пить я.

– Очень благородно. А это что?

В руке у него была все та же тарелка с незабудками, а в тарелке толстая сосулька, сломанная пополам.

– Это лед, – буркнул Белоключевский. – Другого нет.

– Сойдет, – решила Лиза. – Никогда не пила виски с сосулькой.

Он отломил от тонкой части два неровных куска и бросил в стакан и в бывший подсвечник. И налил виски, много, почти по самый край.

Она не стала ничего говорить – куда столько, разве можно, зачем? – взяла свой стакан и быстро глотнула. Потом еще раз. Потом еще.

Белоключевский смотрел.

Она допила, перевела дух и только теперь удивилась:

– А ты?

Он выпил залпом, подошел к плите и зачем-то уставился на свою кастрюлю. Даже крышку поднял.

Кастрюля, а в ней вода, ничего особенного.

После чего сел на другой конец диванчика, пошарил под столом и выудил блок неизвестных сигарет. Достал пачку и закурил.

Лиза тоже закурила.

Надо позвонить Дуньке, Громову и Игорю, подумала она вяло. В животе стало тепло, словно там зажегся рефлектор и разгорается все сильнее. Спине и бокам тоже стало тепло, и хотелось, чтобы оно скорее добралось до ледяных пальцев на руках и ногах.

– У меня дом открыт.

– Ничего. – Он налил еще виски, опять довольно много. – Сегодня никто уже не нагрянет. Это точно.

– Дима, они хотят меня убить.

Он кивнул:

– Это я уже понял, как ни странно.

– Но почему?! За что?! Что я сделала?..

– Видимо, что-то сделала.

– Что, господи боже мой?!

– Кому ты рассказала про труп?

Лиза поперхнулась крепким дымом, сунула сигарету в пепельницу и схватила себя за горло.

– Что значит – кому?! – придушенным голосом спросила она. – В милиции рассказала, Громову, Дуньке, конечно…

– Кто такая Дунька?

– Сестра.

– Твою сестру зовут Дунька?

– Да. Евдокия.

– Хорошее имя. Забавное.

– Игорю рассказала и еще…

– Игорь – это твой муж?

– Игорь – это мой приятель. Мужа у меня нет. Еще Мила наверняка знает, моя секретарша, потому что из милиции звонили, и она с ними разговаривала. Да на работе все знают! Света же у нас работала!

– Отлично, – похвалил Белоключевский.

– Ты говоришь, как Шерлок Холмс хренов! Как хренов Шерлок Холмс!

– Был бы я Шерлок Холмс, я бы уже все знал.

– Где мой телефон? – пробормотала Лиза и стала озираться, словно в поисках телефона. Тепло все никак не доходило ни до рук, ни до ног. – Мне надо позвонить. Господи, я забыла позвонить!

– Куда тебе надо звонить?

– В милицию, разумеется. И Громову. Он сказал, чтобы я была осторожна, он просил меня в городе ночевать, а я…

Белоключевский невозмутимо курил. Лиза выбралась из-за стола, выскочила в темный коридор, повернула не туда, налево, стукнулась лбом в дверь,

споткнулась.

– Да что же это такое!..

– Вернись, – приказал он из кухни. – Что ты там мечешься!

– Я ищу свою куртку.

– Твоя куртка на вешалке. Но ты пришла без телефона.

– Куда?! Куда я пришла без телефона?

– Ко мне, когда я чистил дорожку. Никакого телефона у тебя не было.

Лиза показалась на пороге кухни. Он все курил и выглядел невозмутимо.

– Откуда ты знаешь? – спросила она подозрительно. – Откуда ты знаешь, что у меня не было телефона?

– Ты вешаешь его на шею или держишь в руке. В карман никогда не кладешь, это точно. Ни на шее, ни в руке у тебя мобильного не было.

– Ты наблюдательный, да?

– Да, – кивнул Белоключевский, опять странно кого-то ей напомнив.

Ну, кого, кого?! Кого он так ей напоминал?! Кого-то, узнанного давно и, должно быть, забытого. Кого-то из прошлой жизни. Может, он учился в десятом классе, когда она училась во втором? Или был в старшей группе, когда она посещала младшую? Или… или… – Что ты так смотришь?

– Я тебя откуда-то знаю, – задумчиво сказала Лиза. – И никак не могу вспомнить откуда. Но точно знаю.

Он усмехнулся, потушил сигарету и тут же закурил следующую. Темные ресницы почти сомкнулись, так что глаз стало совсем не видно. Лиза знала – он щурится,

когда думает или врет.

– Я могу тебя откуда-то знать?

Он пожал плечами:

– Можешь, наверное.

– Откуда? Или ты учился в нашей школе?

– А где ваша школа?

– На Кутузовском.

– Нет, – сказал он. – На Кутузовском я точно не учился.

– Господи, – сказала вдруг Лиза тихо. – Они в меня стреляли. Они хотели меня убить. И теперь обязательно убьют.

Тут ей стало тошно. Так тошно, что помутилось в голове, и желудок полез наружу, и виски опять оказалось в горле и во рту, и жжение стало невыносимым. Она поняла, что ее сейчас стошнит, прямо здесь, на пороге крохотной холодной кухоньки, заваленной грязной посудой, полной сизого дыма от его крепких сигарет.

Этот дым стал последней каплей.

Нет, последним вздохом Елизаветы Юрьевны Арсеньевой.

Больше она дышать не могла.

Она не знала, есть ли здесь ванная с унитазом и раковиной, а корчиться от рвоты у него на глазах не могла, поэтому качнулась назад, зажимая рукой горький рот, шагнула в коридор, пробежала и наотмашь распахнула входную дверь.

Только бы добежать. Только бы добежать хоть до чего-нибудь!

На крашеном крылечке она поскользнулась, поехала и упала бы назад, затылком на замерзшие ступени, если бы сзади он не поймал и не поддержал ее.

Она скатилась с крыльца, добежала до темного угла этого странного дома и только тут оторвала руку ото рта, и содержимое желудка выплеснулось наружу, полезло из горла судорожными толчками, от которых больно стало глазам и затылку, и она тряслась от омерзения и брезгливости, и корчилась, и выворачивалась наизнанку.

«Это мой страх, – подумала она вяло, когда все кончилось. – Это мой страх и отчаяние. Теперь они будут со мной всегда, до самой смерти. Должно быть, это совсем недолго».

Дунька останется одна. Она храбрая и умная, но как она будет жить без Лизы? А родители? А весь оставшийся мир, огромный и прекрасный, в котором ей всегда было так интересно!

Было… Да. Было.

За сосной, из чистого и свежего сугроба она зачерпнула снега, съела немного и вытерла лицо. Холодало, и звезды стали огромными и лучистыми, как в произведении Николая Васильевича Гоголя «Ночь перед Рождеством». Ногам было как-то странно стоять на утоптанной и расчищенной тропинке, и Лиза некоторое время задумчиво рассматривала свои ноги.

Вот в чем дело. Она выскочила в одних носках. Тех самых, что подарила Дунька, с мордами и кисточками.

– Пошли, – вдруг сказал почти ей в ухо чей-то голос. – Заболеешь.

Лиза оглянулась. Дмитрий Белоключевский стоял у нее за спиной, так близко, что, обернувшись, она почти уткнулась носом в его свитер.

Он пошел за ней, поймал ее на крыльце, когда она поехала, он стоял и смотрел на то, как страх и отчаяние берут над ней верх, и она поддается им, и ничего не

может с этим поделать, она, сильная личность, победительница и воительница!..

– Уходи отсюда! – вдруг визгливо закричала Лиза, ужасаясь тому, что кричит, и еще тому, что у нее, кажется, вот-вот начнется истерика. Только этого не хватает! – Уходи отсюда, что ты за мной таскаешься, чего тебе от меня нужно, черт тебя побери! Ты мне не нужен!! Мне никто не нужен! Я сама, сама!.. Не смей ходить за мной и подсматривать за мной не смей! И никогда!..

Он не стал ее слушать.

Просто не стал, и все.

Он сгреб ее в охапку, сильно прижал голову к своему свитеру – она вырывалась и лягалась, даже укусила его в плечо, но он ее не отпустил. Не слишком ловко, но как-то так, что стало понятно, что ни за что не отпустит, он затащил ее на крыльцо, по очереди перехватил ее руки, которыми она цеплялась за двери, втолкнул обратно в дом и поволок дальше, мимо распахнутых дверей, за которыми сияла лунная тьма, к черному провалу в глубине дома.

Лиза выла, брыкалась и требовала оставить ее в покое.

Никогда в жизни она не выла и не брыкалась.

Когда зажегся свет, провал оказался большой квадратной комнатой, но Белоключевский все еще не оставил ее в покое, а поволок дальше, к узкой белой дверце, за которой оказалась ванная. Она тоже была большая, с окном.

– Быстро, – приказал он, тяжело дыша. Видно, трудно было волочь ее. – Быстро ноги в горячую воду. Или что? Ты хочешь простудиться и умереть?

– Я ничего не хочу! Я хочу, чтобы ты убрался вон!.. Прямо сейчас, немедленно! Я хочу остаться одна, и чтобы ты…

По-прежнему не слушая ее, он открыл воду в ванну – она сильно и успокоительно зашумела, и сразу стало видно, что это очень горячая вода. И тут Лиза поняла, что ничего в жизни ей так не хочется, как погрузиться в эту горячую даже на вид воду.

И скорее, скорее, немедленно, прямо сейчас!

Он вышел, как только понял, что Лиза, не отрываясь, смотрит на воду – словно прочитал ее мысли. Он вышел, тихо прикрыл за собой дверь, и Лиза осталась одна.

Она содрала с себя одежду, пошвыряла ее на пол, села в ванну и зарыдала.

– Да ладно, – сказал тот, которого звали Морг. – Облажался, и сиди теперь тихо.

– Ты тоже облажался, – отозвался второй. – Мы же не так все планировали!

– Планировали! – фыркнул Морг. Напарник у него был не слишком хороший, он таких не любил.

Ему нравились творческие натуры, действовавшие красиво и умно, а этот… Откуда там красота и ум, так, бандитье обычное, но на этот раз у него не было выбора.

Выбирать ему даже не предложили, и это наводило его на определенные мысли. Еще подумал, что не зря насторожился, услыхав кое-что, и вот облом!

Он сделает свое дело – красиво и умно, как обычно, – а там примет решение. Возможно, это дело станет последним, значит, его нужно сделать вдвойне, втройне красиво, так, чтобы было что вспомнить!..

От этой мысли ему стало не по себе – что он без своей работы?! Только на охоте он чувствовал себя человеком, который чего-то стоит, принимает решения и отвечает за них. Он любил стратегии и с удовольствием составлял свои планы, почти всегда получавшиеся беспроигрышными и красивыми, – он с самого начала был против всей этой затеи со стрельбой, он вообще не любил, когда противник превращался в изрешеченную «огнестрелом» тушу.

Но здесь, как и с напарником, выбора ему не оставили. Что-то изменилось за последнее время. Что-то изменилось. Он подумает об этом, но не сейчас.

Сейчас нельзя.

– Откуда там эта баба взялась? – бормотал напарник. – Сто раз сказали, что он один живет, никто к нему не приходит и не приезжает!

Морг курил, жмурился от отвращения к юнцу и молчал. Идея с самого начала казалась ему дурацкой – стрелять из машины, почти вслепую, в темноте, да еще время выбирать практически наугад, непрофессионализм, гадость, глупость! Нет, понадобилось срочно, немедленно и прямо сейчас! А ведь он предупреждал – будут проблемы. С этим мужиком вообще не оберешься проблем, хотя многие давно списали его со счетов, и напрасно. Такие, как он, всегда приземляются только на четыре лапы и никогда – на спину.

Ну что ж. Он, Морг, сделал все, что мог.

Оттого, что он чуть было не застрелил девицу, оказавшуюся рядом, ему стало стыдно, так стыдно, даже глаза жгло. Он не уголовник и не бандит, он не убивает просто так, потому что убийство доставляет ему удовольствие.

Он вообще не верил, что кто-то может получать от этого удовольствие, и всегда с недоверием относился ко всякого рода сообщениям о всякого рода маньяках. Он искренне полагал, что всех этих маньяков выдумывают милицейские, чтобы запугать народ и продемонстрировать собственную удаль.

Он охотник, а не убийца. Он расчетлив, холоден и твердо знает, что железный и грамотный расчет приносит ему удачу в бою. Он убежден, что это именно бой, а не бойня, такая же охота, как на львов в Аравийской пустыне. Львы, в конце концов, тоже безоружны, никто и никогда не видел льва с ружьем! Охота на людей более сложна, но приносит больше удовлетворения и сознания того, что в этих джунглях ты сильнее всех остальных.

Все пошло наперекосяк именно потому, что ему пришлось выполнять чужую волю, а не выстраивать собственные логические цепочки, которые никогда не давали сбоя! Сейчас ему нужно как-то избавиться от напарника и сделать все так, как один он умеет.

– Ну что? – спросил напарник кисло. – Звонить, что ли?

– Зачем?

– Ну, чтобы сказать, что мы его… того… упустили.

Слово «мы» его покоробило.

– Мы, – поправил Морг спокойно, – никого не упускали. Это была не моя идея.

– Да ладно, какая теперь разница, чья! Подумаешь, идея! Было задание, а мы…

Этого Морг вынести уже не мог.

– Не говори «мы», – сказал он и улыбнулся. – Говори за себя, парень. Я – это я, а ты – это ты. Никаких «мы».

Напарник обиделся и засопел. Ничего, пускай себе сопит. Недолго осталось.

– А теперь нас уже ищут, если этот конь в ментовку догадался позвонить! А нам в город надо!

«Мне не надо в город, – подумал Морг и далеко за окно выбросил окурок. – Мне надо сделать свою работу, а ты мне мешаешь, парень. Очень мешаешь».

Он посмотрел по сторонам – поселок еще не кончился, до МКАД довольно далеко. Темно, тихо, ночь. Лучше и не придумаешь.

Только местечко подходящее найти.

Да вот и оно. Здесь, пожалуй, в самый раз. И возвращаться не так далеко.

На дороге пусто, здесь вообще мало кто ездит, особенно по ночам. Крутые звенигородские горки всегда были опасным местом для машин и водителей. Справа лес, слева овраг.

– Притормози, – попросил Морг. – Давай хоть глотнем малость, успокоимся.

– А ты чего? – засмеялся напарник – тертый калач. – Волнуешься, что ли?!

– Волнуюсь, – признался Морг и улыбнулся. – Я на деле всегда волнуюсь. Да и налажали мы с тобой опять же!

Напарник покрутил бритой башкой и съехал на обочину – надо же, приспичило ему выпить! До города еще не добрались, а он пить! А ну как гаишники сунутся проверять, а от них еще и спиртным несет! Ну его к свиньям собачьим, завтра же доложит, что от такого придурка толку не будет, пусть другого посылают! Да и этот неизвестно откуда взялся, и как с ним теперь…

– Стаканов нет, – предупредил Морг. – Давай по очереди.

Напарник пожал плечами. Пить он не особенно любил, а уж на задании так и вовсе никогда не пил, он не салага какая-нибудь, но пришлось взять бутылку. Этот самый Морг в их маленькой компании был главным, это ему доходчиво объяснили еще на базе, чего ж теперь рыпаться! Теперь рыпаться смысла нет!

Он поморщился обреченно, глянул на пустую дорогу, в зеркало заднего вида, вздохнул и поднял бутылку к губам. Это было последнее в его жизни, что он успел сделать сам.

В шею ему уперся пистолет – холодное дуло над воротником теплого свитера.

Он испуганно дернулся, водка пролилась, он налег на дверь, но Морг не дал ему больше сделать ни одного движения. – До дна, – приказал он тихим и страшным голосом. Человек не мог говорить таким голосом, краем сознания отметил напарник. Рядом с ним не человек. Он был совсем еще молод и по молодости любил боевики со стрельбой и ужастики, он и сам стрелял в живых людей и даже гордился этим, но никогда не думал, что ужас может быть таким сильным, а смерть такой неотвратимой.

В ту самую секунду, что Морг приказал «до дна», напарник понял, что жизнь его кончилась.

Сейчас он умрет и жить больше не будет. Никогда-никогда, как говорил его братишка пяти лет от роду.

Не отрывая от Морга перепуганных, совсем детских глаз, он до конца вытянул бутылку, задыхаясь, оторвался, но Морг не дал ему больше дышать – незачем. Напарник сделал то, что нужно Моргу, и все.

Все.

Коротко размахнувшись, Морг ловко и сильно ударил его по шее, так что голова моментально запрокинулась и глаза закатились.

Слюна потекла изо рта, и Моргу стало противно – возись тут с этим молокососом!

Он бросил на пол пустую бутылку, твердо уверенный, что никаких отпечатков на ней нет и быть не мо-жет – перчаток он не снимал ни на секунду, – вылез из машины, обошел ее и прислушался. Вокруг было тихо и глухо – зима, загородная дорога, мрак и холодный лес в двух шагах.

Он сделал некоторые приготовления – усадил молокососа так, как нужно, достал канистру, полил из нее щедро, а потом сунул канистру за водительское кресло, как если бы она на ходу упала и открылась. Сильный и странный запах наполнил машину. Морг задерживал дыхание, чтобы не наглотаться вонючих паров. Хорошо, что мальчишка в багажник не заглядывал, доверчивый придурок. Впрочем, если бы заглянул, Морг сказал бы ему, что в канистре бензин – на всякий случай.

Морг открыл пепельницу, полную окурков, и проверил ее. Он курил только в окно и пепел стряхивал тоже в окно, и окурки выбрасывал туда же, но осторожность никогда не помешает.

Потом он завел машину, зная, что времени у него мало, зажег спичку и кинул ее за водительское сиденье. Полыхнуло так сильно и сразу, что ему пришлось отшатнуться. Пламя сожрало избытки химических испарений и на секунду стало ровным и почти ручным – Морг знал, что это только на секунду. За это время он столкнул напарника вниз, перегнулся, отворачиваясь от вновь набиравшего силу пламени, и передвинул рычаг автоматической коробки. Все замечательно. Даже на газ давить не нужно. Машина заревела и потихоньку пошла вперед. Направление было выбрано правильно – через шоссе она перелетела, набирая скорость, а потом перевалилась в овраг. Внутри бушевало пламя, и Морг знал, что секунды через три оно доберется до бензобака.

Когда Морг доставал из багажника канистру, он заметил два отверстия – все-таки попал, мерзавец! Морг понятия не имел, что у того окажется пистолет и что он вообще умеет стрелять!

Машину уже не было видно, лишь оранжевые, веселые хэллоуинские отсветы плясали по сугробам, а потом негромко и как-то шуточно рвануло, и пламя выхлестнулось из оврага.

Ну вот. Все в порядке.

Вот сгоревшая машина, вот канистра с какой-то химией, следы на снегу и некто, кто стал трупом, потому что выжрал за рулем полную бутылку водяры.

Что еще нужно приличному менту для полного счастья, то есть для того, чтобы закрыть дело?! Да ничего его ему больше не нужно.

В багажнике пулевые отверстия, и менты свяжут стрельбу со сгоревшей машиной – отлично! Никто и никогда не догадается, что их было двое, значит, и это дело закрыто. Неудачливый киллер со страху хлопнул водки, укатил в сугроб и там сгорел. Идеально.

Именно идеальные схемы особенно нравились Моргу.

Даже не заглянув в овраг, он пошел по дороге обратно и свернул в первый же попавшийся переулок, только не в сторону оврага, а в противоположную, лесную.

Идти ему придется довольно долго, до того самого места, где три часа назад они покуривали с идиотом, только что сгоревшим в машине. Они покуривали и дожидались, когда объект выйдет чистить снег.

Он каждый вечер выходил чистить снег, словно это было его главным занятием в жизни и доставляло несказанное удовольствие.

Сегодня он больше не ждет нападения.

И напрасно. Морг атакует его именно сейчас. В конце концов дело должно быть сделано, даже если поначалу все не заладилось.

– Я пойду, – сказала Лиза и улыбнулась ему светской улыбкой. – Я прошу прощения за скандал, который устроила, но, правда…

Белоключевский решительно не был готов к тому, что она «пойдет». Как пойдет?! Куда пойдет?! Одна, без него?!

В эту секунду невозможность ее ухода показалась ему совершенно очевидной, но он не мог ничего придумать, чтобы как-то довести до ее сведения свою умную мысль – она больше никогда и никуда без него не пойдет.

Не мог же он, в самом деле, объявить ей, что он ее не пустит!

– Может, останешься? – бухнул Белоключевский, не подумавши. – Я схожу и запру твою дверь, а ты оставайся здесь.

Они помолчали, разглядывая друг друга.

– У меня очень много комнат, – внезапно добавил он тем же светским тоном, которым она говорила только что.

Напрасно он это добавил.

Он знал, что ничего не получится, и понимал, что даже пытаться не стоит, и все-таки попытался ее удержать! Вчера или третьего дня, что ли, он купил ей цветы – он и забыл, когда в последний раз покупал цветы, наверное, в «прошлой жизни», в которой Лиза никак не могла его вспомнить.

Кстати, это забавно – она не может его вспомнить! Всего год прошел, и она забыла. Не только она, все забыли. Он был бы просто счастлив, если бы и сам смог забыть, но не получалось, и он уверен, что не получится никогда. Целый год он, все про себя зная, твердо придерживался принятого решения и был убежден, что сможет придерживаться его всю оставшуюся жизнь, а потом взял да и купил букет. Он всерьез отводил глаза от тетки, у которой покупал цветы,

потому что ему казалось, что она может догадаться о том, что ему этого никак нельзя, а он все-таки делает то, что нельзя!

Если бы не труп в гараже, все обошлось бы, но нет, не обошлось, а теперь и Лиза подвергается опасности – из-за него!

Просто из-за того, что он делает то, чего не должен делать никогда.

Утром он заставит ее вернуться в город, а сам разберется во всей этой путанице. По пунктам. По частям. В прошлой жизни он виртуозно решал проблемы, свои и чужие. Впрочем, впоследствии выяснилось, что свои он решал не слишком хорошо.

– Дим, – произнесла рядом Лиза Арсеньева, и он очнулся. – Спасибо тебе за заботу, но мне нужно идти и звонить.

– Не нужно никуда звонить, – возразил он. – Милиция тут ни при чем, а родных ты только перепугаешь. Или ты хочешь сейчас же уехать в Москву?

– Да. – Для верности она еще и кивнула два раза, подтверждая, что сейчас же, немедленно, сию минуту уедет в Москву.

Шестичасовым дилижансом, вот как.

– Тогда собирайся, – распорядился он. – Я пойду посмотрю ворота.

– А что на них смотреть? – тупо спросила Лиза.

Белоключевский пожал плечами:

– Все-таки стреляли. Может, там механизм заело или еще что-нибудь. Надо проверить.

И он встал, на самом деле собираясь отправлять ее в Москву, провожать, смотреть ворота и проделывать еще какие-то операции по ее спасению.

Вот спасибо вам большое. Только этого нам и не хватало. Вот именно без вашей трогательной заботы нам не обойтись.

Чтоб ты провалился.

– Давай не так. Давай ты допьешь свой виски с сосульками, а я пойду домой. Ну как?

– Никак, – отрезал Белоключевский. – Ты поедешь в Москву, а я тебя провожу.

– Не надо меня провожать.

– Надо.

– Не надо.

Разговор был глуп. Глупее не придумаешь.

Она не поедет ни в какую Москву. Он сам только что сказал, что сегодня уже никто не нагрянет и больше никаких катастроф не предвидится. И вообще, откуда она взялась, эта самая Москва?!

«Он боится, что я стану ему навязываться, – решила Лиза. – Недаром намекнул на множество комнат. После вчерашнего поцелуя – неужели это было только вчера?! – он боится, что я потащу его в постель».

Господи, да она мечтала заманить его в постель еще час назад – неужели это было только час назад?!

Она мечтала о нем, собиралась позвонить Дуньке и поплакаться ей и еще собиралась обзавестись банкиром, который повез бы ее на Мальдивы и назвал «девочка моя».

Больше всего на свете она боялась, что ее «отвергнут» – так же унизительно, как отвергла Наташка в десятом классе, и так же бесповоротно, как отвергла «первая любовь» в институте. Она специально и усердно приучала себя не доверять – никому, никогда! – и ни на что не надеяться.

Надо отступать. Быстро сделать вид, что ничего не происходит, что все в порядке вещей – букетик в целлофановой обертке, непривычная мужская забота, которая делала ее такой уязвимой, торопливый поцелуй за гаражом, картонными настороженными губами, стрельба, сугроб, круглые дырки в гладких деревянных досках забора.

Он никто. Сосед, чужой человек. Она ему не нужна, а он не нужен ей. Ей вообще никто не нужен. Она умница, красавица, она сделала карьеру и устроила свою жизнь так, как ей хотелось, как мечталось, и наплевать ей на то, что какой-то там бомж деликатно выпроваживает ее из своей жизни – уже в который раз!

Это не наш размерчик, черт побери!

– Так, – сказала Лиза, и Белоключевский взглянул на нее с изумлением. До того странен был ее тон. – Я ухожу домой и ложусь спать. Спасибо тебе большое.

– Пожалуйста, – пробормотал он, внезапно осознав, что на этом все, приехали.

Сейчас она точно уйдет, остановить ее он не сможет и в Москву отправить тоже не сможет, и вообще больше ничего не сможет.

Это самое «так» было никаким не человеческим словом, а лязгом железной перекладины, упавшей в пазы крепостных ворот.

Она уйдет за свой забор, и они будут встречаться, как вежливые соседи, у которых один гараж на двоих.

Доброе утро, сегодня снегу опять навалило.

Здравствуйте, и не говорите!..

Собственно, это, наверное, и есть самое правильное. Не зря он отводил глаза от тетки, когда покупал букетик. Ему нельзя, и все тут.

Но когда она вчера его поцеловала, и он почти, почти ответил, ему показалось, что можно. А это как раз неправильно.

Лиза Арсеньева решительно прошла в глубь его дома, он проводил ее глазами и не двинулся с места. Через секунду она вернулась. В руке у нее были мокрые носки с кисточками. Она сняла их, перед тем как влезла в ванну, а затем напялила носки Белоключевского, наивно пристроенные на батарею.

– Спокойной ночи.

Опять лязг железной перекладины и никаких человеческих слов.

Она сунула ноги в унты, натянула куртку, и тут он вдруг решил, что ни за что не хочет умереть, так и не поцеловав ее.

То есть именно это он и подумал, очень отчетливо.

«Если завтра меня убьют, я никогда не узнаю, как она целуется. Ужасно».

Возможно, если завтра его убьют, он не узнает еще тысячу разных вещей, но именно то, что она так его и не поцелует, показалось ему самым важным.

И какая разница, правильно это или неправильно?!

Затылку стало холодно, словно к нему лед приложили.

Чувствуя этот лед, он не спеша потушил сигарету – Лиза сосредоточенно застегивала «молнию» на куртке, – подошел, повернул ее к себе и взял за плечи, очень неловко. Давно он ничего такого не делал.

Плечи ее тоже напоминали железку.

– Дим, спасибо тебе большое, – скороговоркой выпалила Лиза, дергая свою «молнию» и не глядя на него. – Ты меня спас, наверное. Если бы я была там одна, они бы меня точно убили, а ты их… прогнал. Все, спокойной ночи.

– Спокойной ночи, – сказал Белоключевский и поцеловал ее.

Наконец-то.

На этот раз все было наоборот – он настаивал, а она не отвечала, он просил, а она отказывалась.

Потом он перестал настаивать и просить. Силы кончились.

Он вздохнул – как будто глотнул отравы. Кровь свернулась и почернела. Вместо льда в затылке полыхнул небольшой термоядерный взрыв.

До конца света осталось всего несколько минут.

Вся его мужская агрессивность, и требовательность, и уверенность вернулись в него и заняли все свободное место, которого было много, очень много.

В сущности, весь он был пустотой, свободным местом, которое теперь стремительно заполнялось, и ему было больно, горячо, но совсем не страшно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/tatyana-ustinova/oligarh-s-bol-shoy-medvedicy

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить